

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА и ЖИЗНЬ

Ф. И. Шаляпинъ — „роялистъ“.

Шаржъ Дени.

№ 26 — 30.

X г. изд.

15 (28 Юля) 1918 г.

Москва, Б. Дмитровка, уг. Богословскаго пер., д. 1.

Телефоны: 2-58-25 и 3-32-16.

Цѣна отд. № 1 р. 30 к.

ВЪ ТЕАТРАХЪ И КОНЦЕРТАХЪ.

(СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ).

ТЕАТРЪ ЭРМИТАЖЪ
и САДЪ

Каретный яздъ. Тел. ПЕРВОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ КООПЕ-
РАТИВНОЕ Т-ВО ВЪ РОССИИ.
5-55-53, 13-96, 25-39.

Закрытый театр. Въ теченіе недѣли съ участ. арт. Петр. теат. Е. А. МОСОЛОВОЙ, арт. госуд. теат. Б. А. ГОРИНЪ-ГОРЯИНОВА, М. Я. МУРАТОВА и Н. К. ЯКОВЛЕВА: „Охотничій домъ“, „Невѣрная“, 18/31—бенефисъ М. Я. МУРАТОВА. Съ участ. заслуж. арт. госуд. театровъ О. О. САДОВСКОЙ и А. И. ЮЖИНА: „Старый за-
наль“. Режиссеръ А. А. Ивановъ. Сценсы мирового генія совмѣбул. Арм. Дябло. Зеркальный театр. 17/30—
бенефисъ А. Д. КОШЕВСКАГО „ГЕЙША“ 19/1 и 21/3—„Нахаль“. 20/2—„Фатиница.“ Администраторъ А. Н. Шульцъ.
Открытый театр: Н. Гриневскій. Апполонъ, Такашима, Поль-Фредъ, Трио-Польокъ, танц. школы Мосоловой
М-ше-Бомъ. -Кафе-контертъ. Ежедневно гран-юзная программа

ТЕАТРЪ
Н. НЕЗЛОБИНА.

Открыта продажа 1, 2, 3 абонементовъ.

Касса открыта съ 12 час. утра до 6 час. веч.
Съ 1-го сентября при театрѣ открываются драматическіе курсы. Пропо-
дателями—артисты театра. Приемъ экзаменовъ 17 и 18 августа.

„АКВАРИУМЪ“.

Телефоны 2-39-30, 2-49-57.

ДИРЕКЦІЯ

Ф. ТОМАСЪ и Б. ЕВЕЛИНОВЪ.
НОВЫЙ ЛѢТНИЙ ТЕАТРЪ.

Понедѣльн., 16/29—симфонич. концертъ подъ упр. В. Сукъ, при участіи
артистки госуд. театр. Е. К. Катувльской. Вторникъ, 17/30: балетъ госуд.
театровъ. Ларическая поэма. Исавскіе эскизы, половецкіе танцы и пляски,
двергасмѣвъ. Среда, 18/31: симфонич. конц. подъ упр. Э. Куера, при
уч. проф. Моск. Конс. Голь евв-йзера. Четвергъ, 19/1: гастроль государст.
балета. Пятница, 20/2: гастроль артист. госуд. Малаго театра. Суббота, 21/3:
симфонич. конц. подъ упр. Э. Куера, при участ. Е. Н. Пиковой.

ИМПРЕССАРИО

Е. Я. БЕРЛИНРАУТЪ.

Москва.

1-ая Брестская, №2. Телѣф. 5-18-99.

Уполномочен. дирекц. арт.
государствен. театр.

Н. А. Фроловъ.

ГАСТРОЛИ

Арт. Гос. театровъ

В. А. Полонскаго.

Гастрольное турнэ

ВИКТОРА ХЕНКИНА

въ созданомъ имъ жанрѣ

Пѣсни Шута,

Пѣсни Беранже,

Пѣсни Кинто.

Лѣтній театр и садъ
„ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ“

Н. Ф. БАЛЕВА.

— Большая Дмитровка, 17. —

Въ воскресенье, 15-го (28) іюля:

Большая сцена: „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ
Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. „Ковстанційн
соборъ“, „Мыльные пузыри“, „Любовь Наполеона“ и др.

Малая сцена въ саду: „Чижикъ“, „Л. чевда о красныхъ
лиліяхъ“, „Танецъ деревянныхъ куколъ“. „Какъ дѣти пони-
мають фразы взрослыхъ“ и др.

У ЛУКОМОРЬЯ.

(Мамоновскій пер.)

Дирекція артист. госуд. театровъ

Н. Е. КАЛИНОВСКОЙ.

Комич. опера подъ режиссеретв.

П. С. ОЛЕНИНА.

15/28—воскресеніе: „Кармезъ“. 16/29—понедѣльнникъ: „Берсь Голуновъ“.

17/30—вторникъ: „Красное Солышко“. 18/31—среда: „Красное Солышко“.

19/1—четвергъ: „Красное Солышко“. 20/2—пятница: „Красное Солышко“

21/2—суббота: „Красное Солышко“.

ПЕТРОГРАДСКІЙ ТЕАТРЪ

САБУРОВА.

ЗАКРЫТЫЙ ТЕАТРЪ

„АКВАРИУМЪ“.

Въ воскресенье, 15-го (28), 16-го (29), 17-го (30), 18-го
(31), 19-го (1) и 20-го (2).

„Господа Мейеры“—веселое похождение одной
еврейской семьи.

Главн. режиссеръ **Ст. Надеждинъ.**

КОНЦЕРТНОЕ БЮРО

А. О. ДРАНКОВЪ и К^о

ПО ОРГАНИЗАЦИИ ТУРНЭ, ГАСТРОЛЕЙ и ЛЕКЦІЙ.

Москва, Петроградъ, Волга, Сибирь, Украина Заграница.

ПОДПИСАНЫ КОНТРАКТЫ:

съ Е. В. Гельцеръ, Л. Жуковымъ, Еленой Вучевской, проф. филармонія А. Могилевскимъ, своб. художн.
Рахмановымъ;

съ М. Н. Кузнецовой, арт. государ. театровъ Г. М. Поземковскимъ, арт. русской оперы Валент. Каминной;
съ директоромъ петроградской консерваторіи и композиторомъ А. Н. Глазуновымъ, проф. Павл. Кохан-
скимъ, пианисткой С. В. Ванцель, П. Е. Сярова;

съ любимцемъ Петрограда и Москвы Юріемъ Морфесси, извѣст. аккомпаниат. М. Т. Дулвымъ и
рассказчикомъ Леонидомъ Мостовымъ.

Театральное хажождение.

Как то давно, еще на страницах Петербургского журнала „Театр и Искусства“ и во целом ряде статей д. и. н. и. профессором призывал актеры во всем силами поставить театр отъ панлыва въ него ученой, скорѣе псевд-ученой, сараничи во качествѣ лицедѣевъ, режиссеровъ, лезть въ, инструкторъ иъ, „профессоровъ“, драматическаго искусства.

Но люди *не отъ театра*, тѣмъ не мевѣ нашедше иъ немъ д. и. н. и. спосе е прибѣжице п слѣ: т. г. и. и. д. р. у. го. „житейскаго кораблекрушенія“, а также и не мало снѣдаемые жаждой дешевой популярности, сумѣли довести искусство задушить и и почти одинокой гл. ст., представивъ меня чуть не зд стнымъ проповѣдникъ мъ всяческаго невѣжества и сам увѣрившимъ неучемъ, помѣшавшимся на Шекспирѣ.

Т. лла пока—вездѣ т. лла, и актерская — увы!—въ эт мѣ отн шеніи т же, въ б. лънствѣ, далеко не аристократы.

И страннны сл ва „несовершенноныхъ, и хитрыхъ“ и лавкахъ въ б. дѣлываніи собственныхъ дѣлъ, мало и. малу в. дѣлывае валъ на толпу въ желательн мѣ смыслѣ для прозвѣстниковъ „наваго искусства“.

И... разожженная, искусство подольщеванн въ св. вѣхъ мелкихъ самослюбивцахъ т. лла частъ сн хамскимъ равнодушіемъ осталазъ глуха къ собственн му же окалнчиванію со стороны нашихъ круговъ и покрѣшковъ, и силуэтныхъ, и статуарныхъ, „ригмически гимнастпрованыхъ“, „хмически“ оживляемыхъ, „великихъ“ новоявленныхъ артистовъ, „ужасно“ передовыхъ, „ужасно“ ученыхъ, „ужасно“ таланливыхъ.

Но не вѣчно же толпа будетъ только толпой. Когда-нибудь должна же и ова проснуться. Иначе весь мѣръ озвѣрѣетъ и превратится въ свин е. логвище.

Посмотрите, наконецъ, настоящими глазами, во что превратили наши новаторы современный театр. Какую тайную, злѣйшую ненависть, какую еструю зависть питають они ко всякому дѣйствительному дарованію.

Причина этому, конечно, весьма ясна: они просто боятся дарованія, имъ просто опасно работать съ нимъ бокъ-о-бокъ. Възднемъ, при мощномъ солнцѣ, такъ неумолимо, такъ ярко безобразно замѣтны крашеные волосы, какой бы тончайшей, дорогой краской на были бы они покрыты. И природный, являющій цвѣтъ таланта *при обморожении* съ мертвымъ, гнилостнымъ цвѣтомъ претенціозной посредственности можетъ броситься въ глаза даже самой безнадежной толпѣ.

Театральные новаторы, вѣроятно, и сами это отлично сознаютъ и окружаютъ себя по истинѣ марионетками въ человѣческомъ тѣлѣ, въ тѣлѣ второго сорта.

Не вмѣя силъ вмѣстятъ въ себя характеръ типа той или другой эпохи въ живоной, конкретной формѣ, эти новаторы захорадочно цѣпляются хоть за „видимость“ театра, за его чисто вѣшныя декоративныя стороны и, по существу, самое примитивное свлятея поднести толпѣ какъ откровеніе, какъ иѣчто новое, глубоко воспитывающее.

Ахъ, гримасники, ахъ, катаальные обѣвки театра!

Первый призывъ людей,—что они не актеры и никогда ими не будутъ, несмотря на всю иъ „передовность“ и „ученость“,—это почти полное отсутствие такта безсознательной точной мѣры, дающей, по какому то внутреннему закону, каждой му ж. ст. каждой позѣ, каждому звуковому выраженію извѣстныхъ страстей, чувствъ п мыслей поразительную согласованность между собой,—словомъ, *ритмичность*, рождающую такую музыкальность для всѣхъ родовъ искусства?

И если человѣкъ, претендующій на ту или другую художественную область, отъ природы лишень чувства

ритма, выражающагося или въ вдумчивомъ, почти бессознательномъ чередованіи извѣстныхъ дуговыхъ движеній въ проявленіяхъ, не противорѣчащихъ извѣннымъ законамъ психологіи, или въ гармонической смѣнѣ громкихъ и тихихъ звуковъ рѣчи, высокихъ или низкихъ топовъ въ музыкѣ, длительного или скорого темпа въ тапкахъ,—такое существо никогда не можетъ быть во писателемъ, ни актеромъ, ни музыкантомъ, ни танцоромъ и т. п.

Очень извинюсь за такой семинарскій періодъ, но жгуче хотѣлось быть получше понятымъ, а такъ трудно, оказывается, определять для всѣхъ внутреннюю сущность, вообще не-художника.

Конечно, п. л. обявляю учать. А каждый человекъ, пока живъ, все же вадѣишь однимъ общимъ ритмомъ, это—пульсацией сердца..

Въ послѣдніе дни почти поголовнаго огрубѣнія, замскаго извращенія б. жественнаго смысла революція довольстуются и однимъ этимъ ритмомъ и смѣю съ вимъ не только в. бираются на Олимпъ, во такъ или иначе да олно истинчиво хотять законодательствовать на немъ.

Какое дѣло этамъ „одноритмнымъ“ „жрецамъ“, что безъ гармоніи иѣтъ никакаго искусства.

Это все-де измѣннн тонкости, въ которыхъ взощрлялся лишь досуде „буржуа“. А ейчасъ всякое искусство нужно лишь достольку, поскольку оно отвѣчаетъ социальнотому сознанію... Не такъ-ли?..

Да, актеру *не по названію только* приходится въ послѣднее время сильно задуматься надъ своей дальнейшей судьбой.

Онъ мнѣ кажется, слишкомъ изыщень для настоящихъ дней. Самая его вѣшная и внутренняя музыкальность должна казаться, по меньшей мѣрѣ, обидной огромн му большнштву нарождающагося пролетарскаго театра.

Артистически е свѣстн гластически снмъ лизировать на сценѣ почти кажд е слово, давать музыкальное (свѣщевіе манерѣ прлвнесенія сл въ, п средств мъ гибкой нато-напн, незришужденнаго разп. бразія въ повышеніи и пониженіи звуковъ, придавать неожиданныя, частъ неподозрѣваемые стѣнки т. му или другому движенію дуча,—да эт) прямо „и жъ сестрой“ для нынѣшней дем. кратизация театральнаго искусства, въ т. рязъ вся цѣлкомъ ушла или въ самый иепркрашенвый натурализмъ, или въ безплотное отвлеченное умночаніе лдѣ флаг. мѣ пыхъ путей, должнствующихъ являть мѣру еще невѣдоме презрѣваемы „буржуями“ св. б. дное тв рчество въ лицѣ избранныхъ отъ народа талантовъ.

О, какъ сейчасъ на тѣятел. н) были бы нужны на сценѣ х. т. а бы Шпильеръ и Викторъ Гюго, ос. бени.—Викторъ Гюго.

Нынѣшнне же театральне искусство—это „игра въ бирюльки“ или страшенне сценически смакованіе самой д. и. д. лнпн и дѣйствительности при помощи дешевой актерской техники.

И) развѣ для тѣхнкихъ эстетовъ это театръ?

Театръ весь въ музыкальной динамикѣ, въ конкретномъ сб. бщевн, выявленіи вещей, не п. ддаюшаяся зафиксировачю грубой въ сущн сн ф. т. графіа.

О, какъ грустно в. рой слышать о т мѣ же Викторѣ Гюго. Помплуйте,—Гюго! Въдъ, это такал ващщевн сть, такал спл шная декламация, ходуля. Гдѣ такіе люди? Можетъ ли быть что-либо неестественнѣе герсеви Гюго!

Ахъ, эта пр. тив ая естественность въ искусствѣ! Зѣла сна театръ какъ наша пег рическая неоправд. ость иѣ обиходѣ.

Кт. же, при желаніи, не можетъ из. бражать ф. тографически сн см.) вчерашнихъ Иванъ въ Иванъ вичей, Азотид Сергѣевичъ.

Истинный актеръ на сценѣ. Эт—не частвость жизни, эт—обобщеніе всѣхъ силъ природы и внутренняго сдержанія нашего духа въ идеализированной формѣ.

Гастроли въ „Эрмитажѣ“.

В. И. Шаляпинъ — Донъ Базиліо.

Пусть этого цѣлкомъ никогда не встрѣтишь въ обыкновенной дѣйствительности. Что-жъ тутъ такого? Развѣ очарованіе отъ театра при подобныхъ условіяхъ не сильнѣе, не чпще, не в.звышеиѣе въ стѣ кратъ? Только бы актеръ, конечно, не перешелъ гравитцъ *возмо жпаю*, не „перерождствовалъ Ирода“ по изреченію Шекспира.

Пусть мы видяиъ на театрѣ завѣдную фантазію. Но вѣдь она пришла туда изъ той же жизни. Такъ значить и фантазія на этомъ основаніи вопль естественна. А если еще она при этомъ выражена въ законченной конкретнй формѣ, въ сочетаніи цевещественнаго съ реальнымъ, т. е. въ претвореніи данной мечты въ данный сценической образъ, то это будетъ и истиннымъ искусствомъ.

Вотъ почему, лишній разъ сказать, Викторъ Гюго имѣетъ всѣ права на постановку на сценѣ.

Только, разумеется, для этого нужны прирожденные актеры съ дѣтскимъ сердцемъ, пламеннымъ воображеніемъ, разливающейся силошюи мелодіей въ „метрическихъ“ рѣчахъ благородно наввыихъ образъ въ Гюго.

Найдутъ ли сейчасъ себѣ подобныхъ актеры достойное призаніе въ сколько-нибудь правильно срганизованныхъ труппахъ? С мнѣваюсь...

Н. Россовъ.

Алексій Толстой—драматургъ

(Собраніе сочиненій томъ X.—„Комедіи о любви“).

Нѣкій Табардинъ—привать-доцентъ, въ комедіи Ал. Толстого „Ракета“,—пишетъ ученое сочиненіе на тему о „разложеніи трагедій въ драму девятнадцатаго столѣтія“. Привать-доцентъ съиштитъ посвятить актеру Запосскому, который, однако, „книгъ никогда не читаетъ“,—въ чемъ это разложеніе состоитъ: оно въ потерѣ „трагическаго пагоса“ и въ измелчаніи „любвонной энергій“. Современная драма, нескромно пріоткрывая завѣсу надъ альковымъ, показываетъ лишь „тотъ или иной любовный анекдотъ“, въ котораго „ничего, кромѣ анекдота“, не вытекаетъ. „Въ современной драмѣ ведутъ истерическіе разговоры, боятся выстрѣлить изъ пистолета, замахиваются и не ударяютъ. Здѣсь труситъ авторъ, не рѣшаясь подсыпать яду, труситъ актеръ слишкомъ рѣзкою жеста, труситъ зритель, вакъ бы его не одурачили“... И все оттого, что любовь за двадцать вѣковъ разложилась: „стала буржуазной“. „Важнѣйшая часть, сущность любви, метафизика, предана насмѣшкѣ, пародіи, забвенію“...

Алексій Толстой, какъ бы наперегоръ этому своему герою, выпускаетъ цѣлый томъ пьесъ, посвящая ихъ разложившейся, по мнѣнію привать-доцента, и торжествующей, но убѣжденію драматурга,—любви...

Значить—не отменена въ сторону „метафизика“, если всѣ пять комедій названы „комедіями о любви“! Но, быть можетъ, и онѣ—лишь „анекдотъ“? Быть можетъ, и авторъ, ихъ написавшій, и актеръ, который станетъ ихъ изображать,— трусятъ? Одинъ побоятся „яду подсыпать“, другой не рѣшится на „рѣзкій жестъ“? Не насторожѣ ли будетъ и зритель, которому доведется увидѣть эти пьесы па сценѣ, и который вовсе не желаетъ, чтобы его „дурачили“?

Но слишкомъ щедръ въ своемъ мастерствѣ Толстой, этотъ расточитель цезольно чарующій полнокровной и плодотворной жизненностью сверкающего здоровьемъ творчества, чтобы бояться какихъ-то „условностей“! Въ его комедіяхъ, волнующихъ, какъ лирическая драма, и въ его драмахъ, согрѣтыхъ улыбкой шаловливаго водевиля,—не только замазываются, но и ударяютъ, не только грозятъ пистолетомъ, но и стрѣляютъ... Еще вѣдь Чеховъ училъ, что ружье, о которомъ говорятъ въ первомъ дѣйствіи, обязательно должно выстрѣлить въ послѣднемъ.

О, нѣтъ, если въ его пьесахъ и ведутся „истерическіе разговоры“, то только оттого, что вѣдь все-таки это не та „античная трагедія“, о которой тоскуетъ ученый Табардинъ,—а всего лишь комедія вашего современника, умѣющаго, однако, для вѣщаго эффекта, руководясь отличію имъ изученными и чутко воспринятыми законами театральной техники,— „подсыпать яду“— въ видѣ звонокъ пощечины, громкаго выстрѣла, шумнаго семейнаго скандала. Актерамъ, играющимъ въ его комедіяхъ, не приходится избѣгать „рѣзкихъ жестовъ“, ибо всѣ роли, въ концѣ-концовъ, состоятъ изъ рѣзкихъ жестовъ, хотя надо отмѣтить, что, только прочитавъ пьесы Толстого, начинаешь понимать, въ какомъ искусственномъ, проповольно сочиненномъ, свѣтѣ давилась онѣ на сценѣ. Ихъ исполняя, какъ водевиль, тогда, когда нужно было показать драму („Ракета“), и усиленно пажимали „мелодраматическія цезали“, когда требовался радостный и быстрый комедійный темпъ („Кукушкины слезы“).

Не будутъ въ претевзіи и зрители, хотя, говоря по правдѣ, ихъ, конечно, дурачатъ. Они, быть можетъ, ждуть отъ новой пьесы отвѣта на „проклятые вопросы“, ибо привыкли, чтобы драматургъ былъ страшно важенъ, страшно серьезенъ. Умѣте, серьезѣе и важнѣе ихъ, почтительно ему внимлицъ зрители. А тутъ авторъ, словно лукаво подмигнувъ имъ и опустившись до ихъ уровня, рассказываетъ о томъ, какъ нѣкій дѣйствительный статскій совѣтникъ— дядюшка Мардыкинъ, въ снѣдѣсти спекулянтъ и

„Колыбель“ Художественного театра.

Дача Н. Н. Архипова (Арбатова) въ Пушкинѣ.

Здѣсь 20 лѣтъ тому назадъ начинали репетиціи Художественнаго театра передъ открытіемъ перваго сезона

плутъ, замалывая пре рѣшенія, вырѣзаетъ, въ память каждаго совершеннаго „грѣха“, по бумажному чортіку... Смотенничаетъ — искается: вырѣжетъ чортіка и усложонится. Слова сплутуетъ — смастеритъ чортіка побольше. Вотъ уже цѣлый шкапъ набилъ этими бумажными дьяволятами. Пьеса такъ и называется „Нечистая сила“... О, конечно, тутъ публика „одурачена“, и она бы могла разсердиться, закинуть негодованіемъ на автора, если бы... Если бы въ этомъ анекдотѣ о дядишкѣ Мардыкинѣ — былъ бы только анекдотъ.

Но „комедія о любви“—это не анекдотъ, пагъ которымъ можно посягаться (и сабуровскій фарсъ по-своему смѣшновъ), но изъ котораго ничего, кромѣ анекдота, не выйдетъ (какъ и не выходягъ изъ стриппиа Р. Крылова или В. Рышкова). Это комедія, потерпѣвшая, оравда, изъ быта. ибо только отстоявшія формы жизни даютъ матеріалъ для стриппий и комедій,—но сохранившія „важнѣйшую часть“, „сущность любви“—ее метафизику. Въ какихъ бы нелѣпыхъ условіяхъ ни пребывали люди толстовскихъ пьесъ, какими бы чудачками они ни были бы, какъ бы нелѣпо ни складывалась ихъ жизнь, какому бы разложенію и гніенію ни подвергались бы ихъ души (какъ, ваорямъ-ѣр, у князя въ „Касаткѣ“, у Драгоменкаго въ „Горькомъ цвѣтѣ“, у Даша въ „Ракетѣ“ и у Огневой въ „Кукушкннхъ слезахъ“),—все покоряется, все оплѣнаетъ, все упротворяетъ и все оправдываетъ любовь,—любовь, побѣждающая ненависть, исправляющая уступающая правдѣ, зло—милосердію, и всѣхъ дѣйствующихъ въ этихъ комедіяхъ лицъ можно было бы разбить на пары, прѣ чемъ въ той любовной ваиріи, которую всѣ они танцуютъ, самыя для пѣвъ првлекательной ставитесь фигура, когда „дамы мѣняютъ своихъ кавалеровъ, а кавалеры находятъ новыхъ дамъ“... „Касатка“ и князь, Раиса и Пья (въ „Касаткѣ“), Драгоменейскій и Лиза, Вологдавъ и Мирра („Горькій цвѣтъ“) жили мучительно и горестно, ибо не удалась имъ любовь, пѣкожа обѣщавшая радость, но стоило имъ исполнить эту прекрасную фигуру въ старинной и милой кадрили, какъ все преобразилось чудеснѣйшимъ образомъ!.. Касатка пошла Идью, а безпутный, по трогательно-жалкой князь обрѣлъ счастье съ Равой... И вообще, надо лишь на мгновение порвать съ условностями и пайи само о себя,—какъ все измѣнится слово по волшебству.

Вотъ жила и была Даша—молодая жепцана 27 лѣтъ. Любила привагать дѣцента, а нышла за скупаго, хоть и

добраго (совѣтъ, какъ учитель „машпъ мужъ“ въ чеховскихъ „Грѣхъ сестрахъ“)—Хрустакова. И отъ скуки, отъ тоски, отъ боязни отдаться настоящему чувству,—стала „дачницей“. „Семь лѣтъ гнила въ безыльи и трусости“, и не было отъ нея радости „даже простой собачеккѣ“. Олъ отращенія, отъ пенависти сошла съ глумнымъ и пошлымъ актеромъ. Но ни его, ни мужа, обманутаго добраго Хрустакова, не любила. Но вотъ когда „по горло опротивѣла самой себѣ“, когда стало ей тошно, а „когда бабѣ тошно, надо бѣжать на улицу голосить на весь народъ, чгобъ былъ срамъ, стыдъ и униженіе“,—устроила нелѣпый скандалъ, бросила жуткую правду о себѣ, ныталась убить ненавистнаго и почувствовалъ, что словно рак той, которая и впрямь взвѣлась,—взлетѣла освобожденная душа... Стало вдругъ легко и радостно. Вѣжала со своимъ Табаравнымъ и прѣяла настоящую любовь, большую и пѣжаю.

Дашѣ Хрустаковой помогла ракета,—Машѣ Огневой („Кукушкннхъ слезы“), несчастной, изломанной актрисѣ, съ душой опустошенной, съ сердцемъ усталымъ, откуда ушла настоящая пѣжвость и „настоящія слова“ зачѣвены словами изъ втрапныхъ пьесъ,—ей помогъ выстрѣлъ: ея несчастный, томящійся до любви къ пей мужъ устраивалъ нелѣпую цепу ревности вздумалъ стрѣлять въ воображаемаго обидчика... Но выстрѣлъ разсѣялъ существовавшая туча. Все обьяснилось, все уладилось. Актриса Огнева стала вновь милой и чистой Машей, вернувъ утраченное счастье съ мужемъ. И такъ въ толстовскіе люди: есл не ракеты и не выстрѣлы помогаютъ имъ, то сами они начинаютъ устраивать свое земное счастье. Глупый Рындннъ, претердующій на бракъ съ Вѣрочкой Мардыкинкой („Нечистая сила“), пзгнанъ Николаемъ Шоловымъ—я да будетъ Вѣрочка счастлива съ этимъ бравымъ спортсменомъ!..

Въ результатѣ—или празднуютъ свадьбы женппи съ невѣстами, или начинаютъ новую жизнь развѣхавшіеся и вновь сѣзавшіеся супруги!..

Настоящій, лярческій талантъ Ал. Толстого, вѣрвое чувство художественной правды и яркость быюаго черезъ край дарованія, удивительнаго своей непосредственностью, избавившіе эти „счастливыя развязки“ (вотъ бы радовалась такимъ окончаніемъ гончаровская Маронька!) отъ прикуса банальности и легкомысленности водевиля. Если не всѣ „положенія“ его пьесъ достаточно обоснованы, и

Къ кончинѣ А. Бойто.

О. И. Шаляпинъ—Мѣфистофель.

если не всегда четко психологическое изображение его героев,—то самый ритмъ его комедій, всегда радостный и торжествующій, и красен, богатая отгѣнками, перелазящая волшебной игрой свѣтотѣни,—всегда настолько ярки и насыщены съ такою полнотою почерпнутымъ изъ самой природы творчествомъ, что какъ то не останавливаешься на этихъ несомнѣнныхъ взятияхъ..

Все здѣсь очень по-русски широко взято. Всѣ эти чудакъ, которые являются какъ бы соучастниками любовной кадрили—это тети Варя („Касатка“), эти Мардыкины, вырѣзающіе чертей („Нечистая сила“), эти пропившіеся Желтузаны и недѣльные Яблоковы—мошенники, конечно, но въ сущности „добрые ребята“, они словно живьемъ выхвачены прямо изъ самой гущи русской дѣйствительности. Правда, авторъ порой слишкомъ торопливо набрасываетъ штрихъ за штрихомъ, и, не закончивъ портрета, бросаетъ недописанными этихъ своихъ русскихъ чудачковъ. Такъ, напр., незаключеннымъ осталось изображение Акима (въ „Горькомъ дѣтѣ“), хотя образъ этого „старца“, вмѣстившаго въ себя начало по истинѣ распутинское, могъ бы стать чрезвычайно значительнымъ.

Вообще, несмотря на отличное пониманіе законовъ театра,—въ смыслѣ сценической техники Ал. Толстой безспорно единственный у насъ подлинный мастеръ комедіи,—онъ не свободенъ отъ упрека въ торопливости и въ небрежности. Въ этомъ отношеніи вѣкъ упора одна лишь „Касатка“ (недаромъ и увѣячена она грибоѣдовской преміей). Но, сказать по правдѣ, самая „вершеческая“ изъ вѣкъ его комедій—„Ракета“,—вещь явно „недѣлавная“,—производить, по крайней мѣрѣ, на мени, наибольшее впечатлѣніе. Пожалуй, не меньшее, чѣмъ „Кукушкины слезы“—почти совершенный образецъ лирической комедіи. Это потому, что въ этихъ пьесахъ „метафизика любви“ передана съ особенной силой, съ особенной глубиной.

Ароматъ любви—горькій запахъ земли, русской степи съ бѣднымъ сугликомъ—почувствованъ тутъ такъ вѣрво, такъ волнующе сладостно...

Юрій Соболевъ.

Гастролеры.

Гастролеры играютъ старыя роли, поютъ старыя оперы, получаютъ большіе оклады, поднимаютъ на большую и на бѣшеную высоту цѣны, гастролеры не говорятъ ничего нового, во если продолжаютъ бытъ пріятны въ старомъ, то никто не обижается. Впрочемъ, теперь въ Москвѣ столько совершенно новой и совершенно еще, такъ сказать, дѣв-

ственной публики, не искусенной впечатлѣніямъ, которая впервые слышитъ Шаляпина, Собивова, Нежданову и имѣетъ возможность платитъ по пятидесяти рублей не только за нумерованное кресло, но даже за приставной стулъ.

Такой новой публикѣ нечего вспоминать, слушая далеко не похвалъ гастролеровъ.

Такой публикѣ еще пріятно, еще въ диковинку имѣть билетъ на Собивова или Шаляпина.

Шаляпинъ до сихъ поръ является, такъ сказать, гастролеромъ-пушкой.

И афиша шестидюймовая, и шестидюймовый говораръ, и шестидюймовыя цѣвы.

11 тысячъ—ветерова плата, 60 тысячъ или около—сборъ.

Развѣ не гастролеръ-пушка?

Цѣмецъ непременно сказалъ бы:

— Colossal!

И затѣмъ:

— Famos.

Безъ этихъ словъ цѣмецъ не обойдется.

Точно такъ же, какъ французъ безъ:

— Epatant!

Къ кончинѣ А. Бойто.

Mon cher Chaïapine

Recevez le témoignage
de mon admiration très
sincère pour votre
magnifique interprétation
de „Bom“.

Vous êtes arrivé avec
vous au maximum de
l'expression artistique
restant simple et sobre

Bravo athlète!

Je vous serre
la main à vous
le tordre

avec affection
votre dévoué

Augusto Boito

Письмо Бойто О. И. Шаляпину.

Испытанный театраль. конечно, уже не испытывает этого удовольствия, чувства повизвы, понадая на не новаго Шляпина или Собинора въ ролях Бориса, Мефист феля, Ленскаго, Юнтека, или Нежданова въ „Травиатѣ“.

Испытанный театраль или предостаняляет новичку платить бѣшевыя цѣны, или же платитъ, говоря себѣ:

— Старый другъ—лучше новыхъ дѣухъ.

У новичка должны быть свѣжія впечатлѣнія, но у него нѣтъ путей сравненій. И ежели онъ до того, какъ попасть въ Москву, видѣлъ театръ въ какой нибудь Лебедяни или Ч.хломѣ. самое большее въ Петерб. то, разумеется не только знаменитый гастролеръ, во даже обстановка въ лѣтней оперѣ его удивитъ.

Я слышалъ на-дняхъ, въ „Травиатѣ“ двѣ шпэли:

— Обстановка ужъ учепь хороша.

Импровировалъ залъ на балу у дѣвицы Флоры.

Но случается и такъ, что на спектаклѣ гастролеровъ наибольшій эффектъ произведетъ свѣжій, молодой голосъ не гастролера. И хотя этотъ подвигрывающій гастролерамъ артистъ еще стоитъ на сценѣ палка палкой, тѣмъ не менѣе, это его молодой, отличный, свѣжій голосъ вызываетъ глушительный bis.

И зала очень дозольпа, когда онъ даетъ знакъ капель-мейстеру и вторично раздается старая шарманочка:

„Ты уѣхалъ въ край чужей,
„Бросилъ свой Провансъ родной“.

Испытанный театраль замѣтитъ, что молодой артистъ дѣлаетъ въ этой „шарманочкѣ“ неуклюжіе „форшлаги“, превращая короткую ноту въ излпшне длинную, такъ что получается в статлѣвіе какъ бы отъ двухъ равнодлительныхъ нотъ, и испытанный театраль посовѣтовалъ бы молодому артисту это исправить, а также разнообразить реплики въ особенности тождественныя („Плачьте, плачьте, о бѣдная“), не дожидаясь, стоя неподвижно, только времяя для вступленія.

Повторяя такую реплику, можно вѣдь придать еще болѣе теплоты, волненія голосу, дать болшій просторъ жесту. И будетъ жпзненно.

Испытанный театраль все это замѣтитъ, цѣня хорошія давныя молодого пѣвца и желая ему расцвѣта.

Оглушительный bis за „шарманочку“ останется оглушительнымъ бисомъ. Но вѣдь это еще не всегда доказываетъ, что пѣвецъ достигъ мастерства.

Испытанный театраль, слуша гастролеровъ, которыхъ онъ знавалъ, когда она еще ве были, а можетъ быть, и не помышляли быть га тролерамп, вспоминаетъ, сравниваетъ, иногда сожалѣетъ, помалкиваетъ въ публикѣ, чтобы не подрывать довѣрія и успѣха.

Бываетъ не ытаанный театраль, фанатично вѣрный своему кумпру. И хотя отъ кумпра осталась ужъ только пыль, этотъ испытанный зритель другъ, все же не сдается. Онъ должна ть своею грудью защищать любимца. Гдѣ же онъ или нѣтъ его паденіе? Какъо бываетъ. Но, конечно, въ такомъ отношеніи есть нѣчто рыцарское.

Помню послѣдній концертъ Марчеллы Зембрихъ въ Москвѣ.

До чего было грустно! Она пѣла самыя трудныя вещи п все вѣдѣывала голосомъ.

Но гдѣ же былъ этотъ удивительный серебряный голосъ?

Была только пыль.

И помню стѣастнаго меломача, безвременно погнѣшаго отъ осы, меломана и театралъ-рыцаря Левушку Дюверна а, который слушалъ мои замѣчанія о Зембрихъ съ настоящимъ чувствомъ боли:

— Да нѣтъ! Вамъ показалъ съ. Ну, неужели? Пѣтъ, нѣтъ! Она—все-же—прекрасна.

Этотъ благороднѣйшій Левушка Дюверну! Московскій театраль съ такимъ товкимъ вк,сомъ и съ такой чистой любовью къ театру.

Это онъ подвасилъ вѣяки и цвѣты падающимъ артистамъ.

Рыцарь!

И помню, въ моей юности, гастроль знаменитаго тенора Подѣза въ „Африканкѣ“—рели, завѣщанной ему самимъ Мейерберомъ.

Когда-то Подѣвъ былъ любимцемъ Москвы (семидесятые года) и особенный успѣхъ имѣлъ во „Фра-Дьяло“.

И вотъ, няемъ старикомъ, ради куска хлѣба, рѣшился онъ гастроллировать и вышелъ съ чудной Маріей Дюранъ и съ Девойдомъ (лучшимъ Нелюско, какого я слышалъ) въ „Африканкѣ“.

Голосъ дрежалъ, старчески дрожали и гнулись колѣни, и Марія Дюранъ подпмала его, когда онъ передъ нею ва пшъ опускался.

Москва устроила ему овацію.

Это было по рыцарски.

Н. Вильде.

Шляпинъ.

— Въ „Эрмитажѣ“ гастроллируетъ Ѳ. И. Шляпинъ. Москвичи имѣютъ рѣдкое удовольствіе въ теченіе цѣлаго мѣсяца слушать гениальнаго художника—яркая радость въ наши тяжелые и кошмарные дни. Помимо столь популярныхъ партій, какъ Мефистофель въ „Фаустѣ“, Борисъ Годуновъ, Мельникъ и донъ-Базалио, Шляпинъ спѣлъ рѣдко имъ исполняемая партія: Тоніо въ „Паяцахъ“ и жреца въ „Лакмѣ“. Особенно ярко прошелъ „Севиальскій цврульвикъ“, для котораго былъ созданъ рѣдкій ансамбль: Шляпинъ, Нежданова—Розина и Каракашъ—отличный Фигаро.

Шляпинъ былъ, что называется, въ ударѣ, и любямыя имъ роли царя Бориса и Мельника были проведены имъ съ особеннымъ блескомъ, глубиной и подлиннымъ трагизмомъ. Национальное значеніе Шляпина очевидно именно въ этихъ национальныхъ нашихъ операхъ.

Гастроли въ „Эрмитажѣ“.

Ѳ. И. Шляпинъ — Мельникъ.

Гастроли въ „Эрмитажѣ“.

В. И. Шалыпинъ—Нилананта („Лакме“).

Гастролеры.

„Театральный Кооперативъ“ придерживается системы гастролей: не успѣла закончить свои спектакли Е. Н. Рошнина-Инсарова, — начала В. А. Миронова, которую въ свою очередь смѣнила г-жа Мосолова.

Очевидно, дирекція и эту очень недурную фарсовую актрису считаетъ тоже „серьезной“ гастролершей?

О вкусахъ не спорить, но смотреть г-жу Мосолову послѣ Рошнина-Инсаровой и блестящей, умной, истинно комедійной Мироновой — удовольствие ниже среднего. Г-жа Миронова виртуозно сыграла Сафо, захватила въ Вѣрѣ Мирцовой, была очень эффектной „Губернской Клеопатрой“, — а г-жа Мосолова, грубовато, и желовато и невнятно сыграла „Нюбруну“ — роль, которую очень любилъ М. Г. Савица. И было ясно, что г-жѣ Мосоловой не по себѣ, и публикѣ не по себѣ, и г. Муратову — тоже не по себѣ.

Недурно чувствовать себя одинъ лишь суфлеръ, очень въ этотъ вечеръ старавшійся.

С.

„Екатерина II“.

Музыкальная комедія Тэффи и Лоло „Екатерина II“ будетъ поставлена въ 1-й разъ въ „Эрмитажѣ“ въ бенефисъ А. А. Брявскаго. Чабулой „Екатерины“ и служили романсы царицы, Горсакова и г-аины Брюсет, оказавшейся счастливой соперницей Ек терины. Музыка взята изъ извѣстныхъ русскихъ лучшихъ оперъ Оффенбаха. Дирекція „Эрмитажа“ („Кооперативъ“) усиленно готовится къ постановкѣ этой первой в русской петербургской оперетты. З казаны новыя декорации в костюмы по эскизамъ извѣстныхъ художниковъ.

„Летучая мышь“

— 11/24-го июля въ „Летучей мыши“ съ большими художественнымъ и материальнымъ успѣхомъ, прошелъ бенефисъ всѣхъ артистовъ „Летучей мыши“. План лучшихъ номеровъ репертуара: „Свадьба при фонаряхъ“, „Гамлетъ“, „Мыльные пузыри“ и проч.

Въ программу слѣдующей премьеры включена двухактная пьеса Тэффи и Лоло: „Не место кончить человѣка, а паркъ“.

Мастерская театра „Четырехъ масокъ“.

Признаться — съ предубѣжденіемъ отправился я на генеральную репетицію недавно возникшаго „Театра четырехъ масокъ“. И сама фирма театра, который, какъ гласятъ афаша, является мастерской театра (если это мастерская театра, то гдѣ же самъ театр?), и въ которой претенціозность программы и кажущееся парочито прлзуемымъ названіе „парада въ трехъ актахъ“ — „Каракатака и Каракатака“, п, наконецъ, даже замѣтки въ газетахъ, извѣщающія о работѣ режиссера надъ изученіемъ стариннаго французскаго народнаго театра, и это его не скромное стремленіе перевести представленіи „мастерской“ на московскія площади — все казалось подозрительнымъ. И многіе, получившіе приглашеніе, псмѣиваясь и пожамкая плечами говорили тономъ априорнаго осужденія и ехидства: „посмотримъ, что это еще за выдумка — эта сама „Каракатака“!..

И всѣхъ насъ, ехидящихъ по адресу шарлатанерій моск вскихъ выдумщиковъ, ждало горькое разочарованіе: „мастерская театра“ помѣщается въ чудесномъ, уютномъ и вовсе не похожемъ ни на какой театр, старинномъ особнякѣ, въ которомъ вѣяло хорошей патимностью, отнюдь не претенціознаго тона. Крохотная зрительная зала, четыре ряда скамей, какъ въ балаганѣ; маленькая сцена; росписъ стѣны; большой фойеръ, замѣняющій верхній софитъ; забавныя рожи старыхъ масокъ комедіантовъ ярмарки и базаровъ, — все напоминало знакомую съ дѣтства картинку изъ французскаго еженедѣльника, иллюстрирующаго рассказы о какой-нибудь бродячей труппѣ, развѣжающей съ фургономъ по деревнямъ и городкамъ провинціи.. Почему-то вспоминались и гонимые въ „Вратяхъ Земляно“, и весь этотъ причудливый міръ эксцентриковъ и комедіантовъ, въ пестрыхъ лохмотьяхъ, въ звонкихъ пощечинахъ, въ грубоватыхъ островахъ, въ кипучей живости и въ очаровательной непосредственности импровизаций, въ которыхъ такъ много настоящаго мастерства и такъ много подлиннаго искусства.

Но вотъ раздвинулся занавѣсъ молодыхъ коллокольцами заставъ, вышли ярко раскрашенные персонажи, крикливые, шумные, сливающие сцену съ партеромъ, — и впечатлѣніе стараго балагана было завершено. Но въ прологѣ, предшествующемъ постановкѣ фарса Табарана (изъ изданія XVII столѣтія), современные актеры не смогли удержаться на томъ уровнѣ гротеска, на которомъ долженъ стоять спектакль, имитирующій представленіе фарса въ народномъ театрѣ четыре вѣка тому назадъ. Въдѣть, комедіанты, были подлинными эксцентриками въ сегодняшнемъ понятіи слова: они не боялись въ рѣзкомъ жестѣ, ни оглушительномъ затрепачиваніи, ни окровеннаго языка, называющаго все своимъ именемъ. Да и то сказать, — въдѣть предшественники нашихъ лицодѣевъ получали подготовку къ этимъ буффонадамъ съ младенецкаго возраста, проходили мучительнѣйшую учебу, подобно той, которой подвергаются акробаты, наядники, жонглеры. И, конечно, такого мастерства и такой легкости исполнителя „пролога“ проявить не смогли: діалоги и фантазии ихъ шарлатанерій не вызвали отклика у зрителей, — ужъ слишкомъ очевидна была здѣсь подѣлка подъ чуждыя сталь. Но самый фарсъ прошелъ значительно лучше и былъ въ немъ моменты, несомнѣнно, удавшіеся..

Вторая часть спектакля была отдана интригующей „Каракатакѣ“. Это — тоже фарсъ изъ стариннаго сборника пьесъ 17-го столѣтія, и фарсъ, построенный ярко и занимательно. „Каракатака и Каракатака“ — оказались словами заклятія мага и на нихъ то и основана вся интрига этой насыщенной дѣйствіемъ буффонады. Живой темпъ фарса, требующаго и настоящаго сочнаго комизма, и подлинной, разрабатанной техники, былъ выдержанъ исполнителями, изъ коихъ должно особенно отмѣтить гг. Акимова, Симоновскаго и Терениковича, овладѣвшихъ стилемъ „парада“ и проявившихъ много живой имора.

Очень большихъ похвалъ заслуживаетъ режиссерская работа г. Форегера, вложившаго въ свой трудъ не только возсозданію стараго балагана такъ много знанія и чуткости. Но, конечно, вся эта затѣя, хотя и отмѣченная художественнымъ искусомъ и чувствованіемъ театра, все же затѣя, не могущая разсчитывать на успѣхъ въ „маскѣ“.

Пѣть, пусть играютъ „Каракатака“ въ этомъ уютномъ особнякѣ, — на площадяхъ „театру четырехъ масокъ“ дѣлать нечего.

Юрій Соболевъ.

Гастроли въ „Эрмитажѣ“.

О. И. Шалыпинъ — Борисъ Годуновъ.

(Англійскій шаржъ.)

Хромика.

— Артисты Художественнаго театра, побывавшіе въ приволжскіе города съ пьесой Горькаго „На двѣ“, сыграли ее въ Ярославль и въ Костромѣ. Спектакли имѣли громадный успѣхъ. Въ Костромѣ городъ поднесъ труппѣ подарокъ — старинную большой цѣнности бративу.

— Большой театръ остановился на рѣшеніи поставить въ предстоящемъ сезонѣ, во второй его половинѣ, грандіознѣйшее твореніе Вагнера „Парсифаль“, въ Москвѣ никогда не исполнявшееся. Режиссировать эту оперу предложилъ А. А. Санину. Отвѣтъ отъ него еще не полученъ.

— Руководители театра сов. раб. деп. рѣшили объявить конкурсъ на декорации и костюмы для оперъ „Карменъ“ и „Демонъ“, включенныхъ въ репертуаръ будущаго сезона.

Вудутъ установлены три преміи для лучшихъ эскизовъ. Этими руководителями попытаются поискать молодыхъ, интересныя дарованія.

Въ средѣ художниковъ съ именемъ этотъ конкурсъ не встрѣчаетъ сочувствія, такъ какъ для нихъ представляется мало интереса принимать участіе въ конкурсѣ.

— Въ Сергіевскомъ народномъ домѣ по пяти разъ въ недѣлю даются драматическіе спектакли, устроенные управленіемъ народными домами.

— На Украину и въ Евпаторію уѣхалъ цѣлый вагонъ съ артистами и ихъ семьями, всего въ количествѣ 30 человѣкъ. Въ числѣ уѣхавшихъ артисты Большого театра г-жи Правдива, Балаховская и г. Павловскій.

— Театръ Корша, перешедшій къ М. М. Шлуглейту, будетъ называться „Московскій театръ Корша“.

Вопросы, связанные съ репертуаромъ будущаго сезона, являются предметомъ ежедневныхъ засѣданій правленія театра.

Въ настоящее время установлено, что сезонъ будетъ открытъ пьесой Б. Шоу „Врачъ на распутьѣ“, съ Н. М. Радинымъ, въ постановкѣ А. П. Петровскаго. Затѣмъ пойдетъ драма Вюхнера „Смерть Дантона“, обработанная г. А. Н. Толстымъ, съ М. С. Нароковымъ въ роли Дантона, въ постановкѣ А. П. Петровскаго.

Третьей постановкой будетъ „Марія-Магдалена“ Меттерлиха съ Е. А. Полевицкой въ роли Маріи. Ставить будетъ Б. С. Неволинъ. Декорации, вѣроятно, будетъ писать петроградскій художникъ Школьникъ.

Рѣшена также постановка „Кофейной“ Гольдони, которую предполагается поставить на фойѣ карнавала. Въ главной роли выступитъ Е. М. Вискакова. Постановка А. П. Петровскаго.

На разсмотрѣніе театра недавно поступила пьеса Волкенштейна „Маринка“ изъ эпохи татарщины. Она предлагалась къ постановкѣ въ первой студіи Художественнаго театра съ г-жей Гзовской, но постановка не была осуществлена такъ какъ артистка перешла въ Малый театръ.

Вопросъ о постановкѣ „Маринки“ можно считать рѣшеннымъ. Въ роли Маринки будетъ занята Е. М. Вискакова. Декорации предполагается предложить написать К. А. Коровину. Ставить будетъ А. П. Петровскій.

Для утреннихъ спектаклей намѣчены „Коварство и любовь“ въ постановкѣ А. П. Петровскаго и „Самъ у себя подъ стражей“ Кальдерона въ постановкѣ Б. С. Неволина.

— Съ будущаго сезона театръ имени В. Ф. Коммиссаржевской, создателемъ котораго является Ф. Ф. Коммиссаржевскій, преобразовывается въ кооперативное товарищество.

Во главѣ художественной части стоятъ Ф. Ф. Коммиссаржевскій, В. Г. Сахновскій и А. П. Зововъ.

Спектакли будутъ даваться въ помѣщеніи театра „Зовъ“, реквизируемаго для нуждъ совѣтскаго театра, и въ теперешнемъ помѣщеніи театра въ Настасьинскомъ переулкѣ.

Репертуаръ въ театрѣ „Зовъ“ будетъ состоять изъ пьесъ Шекспира, Шиллера, Тика. Составъ группы будетъ пополненъ.

Въ театрѣ въ Настасьинскомъ пер. пойдутъ пьесы прошлыхъ сезоновъ и перенесенная на будущій сезонъ пьеса Гауптмана „Плодувшій колоколъ“.

— Съ 15-го августа проектируется установить во всѣхъ московскихъ театрахъ, циркахъ, варьете и кино одинъ день въ недѣлю для абсолютнаго отдыха всѣхъ труженниковъ сцены. Такимъ днемъ намѣченъ попятельникъ, если же послѣдній придется въ праздникъ, то для отдыха будетъ отлаженъ слѣдующій за праздникомъ день.

— Съѣздъ артистовъ Художественнаго театра назначенъ на 2 августа. Спектакли въ театрѣ въ этомъ сезонѣ начнутся значительно раньше, чѣмъ въ предыдущіе сезоны, а именно 1 сентября.

— Главный режиссоръ оперетты „Эрмитажъ“ А. А. Брянскій на зимній сезонъ получилъ приглашеніе на четырехтысячный вкладъ въ мѣсяцъ отъ двухъ опереточныхъ интрепритовъ: кооператива „Эрмитажъ“ въ оперетту, которая почти въ полномъ составѣ по окончаніи лѣтняго сезона перекочевываетъ въ Коммерческое собраніе въ Харьковѣ, и въ Кіевъ въ новый театръ на Николаевской улицѣ.

И Г. Дворищевъ выслушиваетъ привѣтствія на Марининской сценѣ.

Эскизъ будущей картины Дени.

— Въ симфоническомъ концерте въ зѣтнемъ театре „Акваріумъ“ 4 августа по новому сл. программа посвящена произведеніямъ Мусоргскаго; солистка выступитъ Е. П. Попова.

— Въ театрѣ Сабурова въ „Акваріумъ“ готовится къ постановкѣ комедія „Господа Мейеры“ Фридриха. Пьеса въ этомъ театрѣ пройдетъ впервые.

— Слѣдующими бенефисами въ опереттѣ „Луна-парк“ будутъ г-жи Невяровской въ „Польской крови“. — 7 июля г. Щавинскаго въ „Сиза“—14 июля г-жи Барвинской въ „Нищемъ-студентъ“—21 июля.

— В. В. Гельцеръ 1 июля выѣхала въ отдѣльномъ вагонѣ въ продолжительное турне по Украинѣ. Въместѣ съ артисткой выѣхали импрессарио А. О. Дранковъ, Л. А. Жуковъ, скрипачъ А. В. Могилевскій, г-жи Бучинская (мимопластика) и виолинистъ г. Рахмановъ. Первое выступленіе артистки состоится 5 июля въ Харьковѣ. Турне продолжится до первыхъ чиселъ августа, когда бахерива вернется обратно и выступитъ въ нѣсколькихъ вечерахъ въ лѣтнемъ театрѣ „Акваріумъ“.

— Въ „Театрѣ для народа“ (у Каменнаго моста) съ участіемъ Е. П. Шебуевова, В. П. Ильварской и А. А. Остужева съ огромнымъ успѣхомъ прошла драма Островскаго „Безъ вины виноваты“. Глубокій и волнующій образъ Кручановой создаетъ г-жа Ильварская; якую фигуру создаетъ изъ Галчихи г-жа Шебуева, дающая рядъ чисто-трагическихъ моментовъ; верно съ большимъ темпераментомъ ведетъ Незнамова г. Остужевъ.

— Московскій импрессарио Е. Я. Берлиераутъ подписалъ контрактъ на годъ съ артистомъ государственныхъ театровъ—„королемъ экрана“—В. А. Полонскимъ. Гастрольные спектакли съ участіемъ В. А. Полонскаго предполагаемы въ теченіе лѣта и осени въ рядѣ городовъ центральной Россіи, а также на Украинѣ и въ Крыму.

Въ репертуаръ вошли пьесы: „Мечта любви“, „Ради счастья“, „Забава“, „Огни Ивановой ночи“;—въ составъ труппы войдутъ артисты нѣкоторыхъ государственныхъ и частныхъ московскихъ театровъ.

Арманъ Дюкло.

Вопросы объ чехо-словакахъ, продовольствіи, холерѣ, эсерахъ и прочихъ скорбяхъ грядущихъ и пришедшихъ такъ переполнили несчастныхъ москвичей, что, не явись во время какое-нибудь отвлекающее средство,—о и бы лопнулъ.

И вотъ, чтобы о и не лопнулъ, явился Арманъ Дюкло.

Теперь Москва временно забыла муку, холеру и чехо-словаковъ и говорить только о Дюкло.

Арманъ Дюкло—гениальный ясновидящій, поражающій самыхъ скептически-настроенныхъ зрителей.

Русскій человекъ отъ природы недоверчивъ и больше всего боится быть околпаченнымъ. Поэтому и сквичи раздѣлялись на вѣрящихъ въ Дюкло и невѣрящихъ.

Вѣрящіе съ выучеными отъ ужаса и благоговѣнія глазами рассказываютъ о чудесахъ Дюкло.

— Онъ въ Кисловодскѣ сказалъ одной дамѣ: „вы завтра умрете“. И что-жъ вы думаете:—она на другой же день и умерла!

Скентики поджываютъ губы, дѣлаютъ хитрые глаза и съсятъ вѣрящихъ до истерика.

— Чего вы, чортъ васъ дочери, губы кривите! Пейдите, сами посмотрите!

— Знаемъ мы эти штуки,—отвѣчаютъ скентики.—В с заравѣе подстроено.

— Да какъ же можетъ быть подстроено, ког а онъ Лядочкѣ прямо сказалъ: „Вы думаете о в шей теткѣ Оедосѣ; она въ Таганрогѣ варитъ варенье изъ дыни“. Откуда все она знаетъ, что тетку Оедосей зовутъ?

— Очень просто навелъ справки заравѣе.

— Да почему онъ зналъ, что Лядочка въ театръ придетъ? Овъ ни ее, ни тетку не знаетъ.

— А ужъ это у нихъ все организовано.

— Да почему же онъ каждый вечеръ сотни спрашивающихъ даетъ вѣрные отвѣты?

— Это все подкуленные, подставныя фигуры.

— Да какъ я то не подставно! А мнѣ онъ вчера казалъ мое имя, фамилію, имя женщины, о которой я думаю, с городъ, изъ котораго я пріѣхалъ.

— Ну это простое совпаденіе.

— Какъ можетъ быть совпаденіе, что я, Иванъ Вѣловъ, пріѣхалъ изъ Твери и думаю о Варварѣ Посанкогой?

— Да просто такъ: назвалъ имена и городъ и случайно оказалось в'рно. Случай—великое дѣло.

— Да, мнѣ мой,—въ бѣломъ бѣшенствѣ крипить вѣрящій,—случай, великое дѣло. Я считалъ тебя просто недалекимъ, а вотъ теперь случай открылъ мнѣ, что ты опредѣленный крипить.

Ссорятся жены съ мужьями, дѣти съ родителями, друзья и политическіе единомышленники.

И каждый вечеръ театръ полонъ.

Арманъ Дюкло не инсценируетъ и не обставляетъ св ихъ сзан овъ никакой театральвой торжественностью.

Естественно и просто выходятъ на эс'разу два пшичныхъ молодыхъ человека—Арманъ Дюкло и его помощникъ Александръ Рогиндовъ. Помощникъ проходитъ по рядамъ публики, останавливается около желающаго предложить вопросъ и говоритъ:

— Мсье Дюкло! Отв'чайте.

И Дюкло тотчасъ отвѣчаетъ:

— Ваша фамилія такая-то. Вы с рашиваете о такой-то.

Отв'чаетъ опредѣленно п ясово.

— Маріи Сисоева васъ не любить.

— Вы хотите купить автомобиль. Вы его купите.

— Такой то будетъ освобожденъ черезъ три лия.

— Вашъ братъ Сергій убитъ.

— Андрей Петровъ уѣхалъ отъ васъ вав'гда. Не ждите его. Ваше имя? Анна Воль.

— Вы умрете въ этомъ году. Ваше имя—Станиславъ Кошъ.

Ип одной ошибки въ обменъ не бы о ни разу.

Бѣрующіе торжествуютъ. Скентики летятъ ернду, отъ которой самымъ веловно.

— Почему овъ угадалъ фамилію? Очень просто: помощникъ ему памекнулъ.

— Какъ такъ?

— Ну, конечно. Помощникъ сказалъ: „отвѣчайте скорѣе“, Дюкло и отвѣтилъ: „Отплія Сканы. Отвѣ айте значить „Отплія“. Скорѣе—Скалъ.

— А почему же когд тотъ другой разъ сказалъ: „отвѣчайте сзорѣе“, а Дюкло отвѣтилъ „Степанъ Егоровъ“.

— Ну, это тоже какъ-нибудь тамъ у нихъ подстроено. За то имъ и деньги платятъ.

— Ну скажите откровенно, если вамъ скажутъ: „отвѣчай скорѣй“,—вы бы могли догадаться, что это значить Степанъ Егоровъ?

Перетта въ „Эрмитажѣ“.

А. Д. Кошевскій.

(Къ бенефису 30 іюля)

У райскихъ вратъ.

(Подражаніе Пушкину).

*Жарой и скукою томимъ,
Я по Московіи влачился..
И шестиствольный псевдонимъ
На перепутьи мнѣ явился....*

*Моихъ штановъ коснулся онъ
И сталъ искать бумажной манны.
Отверзлись тощіе карманы,—
И кошелекъ исчезъ какъ сонъ...*

*И прикоснулся онъ къ жилету—
И время замерло: часы
Ушли въ немедленную Лету
Въ сіяньи двѣственной красы...*

*И ощутивъ пустой бумажникъ,
Онъ зычно крикнулъ: „саботажникъ“!
И оскорбилъ—не утало—
Всю родословную мою...*

*Снялъ престарѣлыя штиблеты—
Временъ былыхъ, когда поэты
Могли купить, создавъ сонетъ,
Дѣв пары лаковыхъ штиблетъ.*

*Снялъ брюки, снялъ пиджакъ, сорочку,
Ударилъ разъ, ударилъ два..
И молвилъ, полный торжества:
„Живи!—даю тебѣ отсрочку!“*

*Лежу... Болитъ разбитый глазъ:
Смуцнетъ всѣхъ костюмъ Адама..
Спяща, проходитъ мимо дама..
И вдругъ я слышу нѣкій гласъ:*

*-- „Возстань, буржуй,—и виждь и внемли,
Глаза припухшіе открой.—
И, обходя моря и земли,
Прославь свободный русскій строй!“*

*Узналъ я Маркса голосъ въщій
И въ умиленіи изрекъ:
— „Пойду, прославлю, о, пророкъ,
Но... прикажи отдать мнѣ вещи!“*

*— Ты нагъ, но радостно взирай
На персть Судьбы,—въщаль Учитель,—
Ты будешь славить русскій рай.,
Какъ настоящій райскій житель!*

LOLO.

Арманъ Дюкло.

— Я—нѣтъ. За то мнѣ п денегъ не платятъ. А если бы могъ, такъ тоже платил бы.

— Тфу!

Спорять, ссорятся и ненавидятъ другъ друга.

Литераторъ Коко Эйвъ ходитъ каждый вечеръ въ театръ.

— Пока все гладко. Но подождите, — я еще соображу, въ чемъ здѣсь дѣло.

Актриса Мстылекъ—Воровайская тоже...

Каждый вечеръ слушаетъ Дюкло. Она приготовила одинъ вопросъ, но задать его боится.

— Я хочу спросить: какъ меня зовутъ.

— Ну такъ спросите же.

— Не могу. Страшно.

Вопросы задаваемые Дюкло, всегда однохарактерны. На общественныя, и политическія темъ не затрагиваютъ.

Предлагаетъ ли ихъ дама въ горпоставъ изъ перваго ряда, или рабочій въ блузѣ съ галерки,—они одинаковы:

— Любятъ ли меня?

— Увижусь ли я?

— Уѣду ли я?

Всегда то же самое: взять свое маленькое человѣческое счастье и уйти съ нимъ подальше. Туда, гдѣ его не отнимутъ.

Да Самому честолюбивому и самому идеѣному, отрѣшенному стрелителю новой жизни, какъ и простому каменщику, нужно „вернуться вечеромъ домой“. Зажечь свою лампу, развернуть свѣю книгу и улыбнуться ласковымъ близкимъ глазамъ.

Арманъ Дюкло! Геніальный ясновидящій! Посмотрите хорошенько,—вѣдь мы еще встрѣтимъ счастье и сохранимъ его? Иначе не можетъ быть.

Мы такіе жалкіе....

Тэффи.

Старая пѣсня.

*Нѣтъ новыхъ словъ, слова все стары,
И вѣчныхъ чувствъ сердца полны,
Настрой аккордъ твоей гитары
И спой мнѣ пѣсню старины.
Вдохни въ слова былыхъ созвучій
Твои цвѣтущіе года,
Наполни пѣсню страстью жгучей
И станетъ пѣсня молода.*

Н. Вильде.

= Вь „Изв. Ц. И. К.“ вѣвй С. Б.—о предлагаеть вь статью „Изъ народа, но не для народа“ осуществити... социализацию—кого бы вы думали?

Ө. И. Шалапинва.

„Шалапинв,—доказываеть авторъ этого оригинальнаго прозкта,—вышелъ изъ народа, но его, искусство, его гевй не принадлежатъ народу. „Народъ“, рабочий человекъ, средней интеллигентъ-пролетарй, живущй своимъ трудомъ, лишены возможности слушать Шалапина.

„Его искусство,—развиваеть свою мысль авторъ,—только для спекулянтовъ, которые могутъ заплатить сотни рублей, которые могутъ имѣть свободное время для дежурства у кассовыхъ хвостовъ, ибо дома у нихъ все есть.“

„И никакихъ „снисхожденй“ Шалапинв не даетъ. Единицами нечисляются его выступленйя передъ рабочими аудиториями, и на тѣ онъ смотритъ, какъ на какое-то о обоѣ благодѣяне. Когда вьидитъ эту жуткую картину, то ясно становится, что Шалапинв—человекъ изъ народа, но не „для народа“, что его искусство—не демократично, а обслуживаеть кучку хищниковъ, для которыхъ вь живй—все.“

Такую несправедливость авторъ предлагаеть нормировать карающей рукою закона, установивъ право государства не только на произведенйя искусства, но и на самого художника.

„Если художникъ настолько нечутокъ, что не находитъ властнаго голоса „внутренняго“, ведущаго его къ сознаныю, что его искусство должно быть „для народа“, то его надо правдуть къ этому.

Артистъ долженъ быть „социализированъ“, если самъ вь себя не находитъ внутренняго требованйя такой социализации, по своему убѣжденйю.“

Прозктъ, что и говорить, оригинальный!

= По поводу передѣлки для кинематографа разсказа Л. Н. Толстого—„Отецъ Сергйй“ и недопускавшейся равне инсценировки церковныхъ службъ, какъ посвященныя вь монахи, келейныхъ молитвъ, келейная жизнь йеромонаха со случайнымъ и роковымъ для о. Сергйя наместимемъ блудницъ и грѣшницъ-соблазнительницъ,—г. Россовскйй даетъ вь „Петр. Голосѣ“ любопытныя воспоминанйя о „прошломъ“, имѣвшемъ еще мѣсто только годъ назадъ.

„Какъ извѣстно, до революцйи вь Россйи духовенство, ихъ службы, требы, ихъ частная жизнь были охранены отъ сценическаго воспроизведенйя.

Декораторъ Ивановъ былъ обязанъ подпской, по настоянйо духовной цензуры (по приказу Побѣдоносцева), не изображать иконъ на декоративныхъ полотнахъ московскихъ кремлевскихъ палатъ и ограничиться только тусклыми однотонными контурами иконъ и т. п.

Декораторы рисовали занавѣшенными божницы (безъ крестовъ), иконы, освѣщенные лампадами и свѣтами. Духовныя лица вь трагедйяхъ г. А. Толстого, конечно, не выводились на сцену. Ношенйе наперенныхъ крестовъ, освѣненйе крестнымъ знаменимемъ также запрещалось, какъ и церковное пѣснопѣнйе (вь операхъ), молебны и панахиды, даже вь купюрахъ (вь „Маскарадѣ“ Лермонтова, вь „Смерти Юванна Грознаго“ и др. пьесахъ). „Маккавен“ Антона Рубинштейна, „Саломея“, „Марйя изъ Магды“ были запрещены безусловно и „навсегда“...

Покойный Побѣдоносцевъ не скрывалъ своего возмущенйя послѣ постановки гаудтмайской „Ганнеле“ вь Панаевскомъ театрѣ.

Онъ не хотѣлъ проявлять свою власть по отношенйо къ А. С. Суворову. Но вьдъ тамъ вь Странникѣ явственно выступалъ Христосъ, и грѣшныя статистки изображали ангеловъ съ крыльями!.

Когда была поставлена вь Александринскомъ театрѣ драма А. А. Потхвина „Около денегъ“ съ удивительно реально изображеннымъ на сценѣ пожаромъ вь деревнѣ, Побѣдоносцевъ просилъ редактора „Петерб. Вѣд.“ Авсененко вьидуть своему критику, чтобы онъ указалъ на неудобство выноса на сцену иконъ изъ крестьянскихъ избъ во время пожара и колѣнопреклоненныхъ молитвъ толпы.

Когда до Побѣдоносцева дошло извѣстйе о томъ, что вь провинцйи Робертъ Адельгеймъ, играя заглавную роль вь трагедйи Гуцкова „Уриель Акоста“, гриммуется „подъ Христомъ“, оберъ-прокуроръ, чрезъ соответственныя инстанции, велѣлъ обязать подпского артиста, чтобы вь послѣдующихъ спектакляхъ онъ радикально измѣнилъ свой гримъ.

Р. Адельгеймъ, чтобы жить вь Россйи и вь дальнѣйшемъ не быть объектомъ наблюденйя и доносомъ официальныхъ сыщиковъ и добровольцевъ по сыскной части,—пришлось дать подпску и играть Акосту съ другимъ лицомъ.“

Смерть Дантова.

Вь кругу литераторовъ, актеровъ и журналистовъ Н. М. Раднымъ была прочитана трагедйя Бюхнера „Смерть Дантова“, предназначенная къ постановкѣ вь театрѣ Коршъ (дир. М. М. Шулгейта).

Вьрѣе было бы приписать авторство этой пьесы г. Ал. Н. Толстому, которому было поручено переработать тяжеловѣсное, вь 32 хъ картинахъ!—произведенйе нѣмецкаго писателя.

Ал. Толстой сдѣлалъ больше: воспользовавшись сюжетомъ и нѣкоторыми частностями бюхнеровскаго сценарйя,—онъ по этой канвѣ вышилъ свой собственный рисунокъ, отмѣченный всей присущей его чудесному таланту яркостью и сочностью линйи. Трагедйя, на которой делалъ отпечатокъ нѣсколько резонерскаго раздумья, естественно позицирующаго театральное ея значенйе, вь смыслѣ преобладанйя разсужденйя надъ дѣйствимемъ,—философической статикой надъ сценической динамикой,—эта трагедйя, лишенная вь своемъ нѣмецкомъ подлинникѣ красокъ и образности,—вь русскомъ изданйи приобрѣла всю необходимую выпуклость характеровъ и всю стремительную дѣйственность.

Вьместо 32 хъ—всего 12 картинъ, короткихъ, но насыщенныхъ глубокимъ психологическимъ содержанимемъ; ихъ ритмъ отвѣчаетъ ритму тѣхъ событйи, о которыхъ повѣствуеть пьеса: событйи, повятахъ кровавымъ гуманомъ террора, провинзанныхъ угаромъ революцйнаго похмелья и полнящихъ политическими страстями.

Самъ Дантовъ, съ его душевной опустошенностью, смертельной усталостью и сердечной изжитостью, съ его призывомъ къ прекращенйо казней, съ отвращенимемъ къ крови и ненависти къ политикѣ, съ его жадной любви, тоскою по тишинѣ уединенйя и съ муками сомнѣвающейся совѣсти,—какой это сильный и яркий образъ!. И какъ волнуеть страшная сцена его свиданйя съ Робеспьеромъ наканунѣ того гасѣданйя конвента, которое объявило дантовистовъ врагами республики!. А фигуры Дюмулена и прекрасной Люиль,—онъ очерченъ; можетъ быть, и было, но такъ живо, такъ близко не къ исторической только, но къ жизненной правдѣ. Героическое, знакомое по книгамъ, легендарное по преданймъ,—становится такимъ человѣческимъ и такимъ простымъ...

И, вьрѣяно, зрители этой трагедйи, рисующей одинъ изъ самыхъ роковыхъ моментовъ великой революцйи,—непавый судъ трабунала, создавшаго явно провокацйнаный процессъ, зрители, передъ глазами которыхъ пройдутъ картины человѣческаго слѣденйя и человѣческаго величйя, будутъ взволнованы этимъ зрѣлищемъ событйи, столь мощныхъ и столь стремительныхъ. И если ихъ потрясетъ сцена послѣдней ночи осужденныхъ къ казни Дантова, стойчески ожидающаго разсвѣта и... гильотины, Дюмулена, зовущаго съ ю Люиль, и ихъ друзей, осушающихъ послѣднюю бутылку вина передъ смертью,—то не менѣе волнующйй откликъ вызоветъ вь нихъ голосъ осужденнаго Андре Шенья, томящагося вь той же темницѣ, вь которой ждуть трагической развязки „дантовисты“.

Должно особо отмѣтить, что Ал. Толстой очень большую роль отводитъ толпѣ. Толпа, вь лицѣ самыхъ разнообразныхъ вь социальномъ отношенйо ея представителей, все время является активнымъ участникомъ развертывающихся событйи. Тутъ и санколоты, собирающйе повѣстие „франта“ („у него носовой платокъ—значитъ бѣлоручка: на фонарь его“); тутъ и аристократка, свергнутая вь нищету; тутъ и торговка, негодующая на то, что хлѣбъ подвѣлся вь цѣвѣ уже до ста су за фунтъ; тутъ и собиратель рѣдкихъ книгъ, гордый тѣмъ, что купилъ какое-то изданйе съ помѣтками самого казненнаго короля; тутъ и сапожникъ Симонъ, сегодня „дантовистъ“, а завтра ликующй зритель казни Дантова,—тутъ весь Парижъ—вся толпа, измѣнчивая, жестокая, равнодушная, живущая древнимъ и вѣчнымъ вождѣнмемъ хлѣба и зрѣлищъ...

И среди нихъ—трагическйй возвышается образъ Дантова съ его мучительными сомнѣвймъ.. незаасыпающей совѣсти. И подобно тому, какъ Пушкинскому Борису Годунову все чуждается „мальчики кровавые вь глазахъ“,—такъ и ему, чьимъ именемъ дѣйствовали убйицы вь сентябрѣ, все кажется, что пахнутъ руки кровью.

Георгйй Треплевъ.

Памяти
С. П. ВОЛГИНОЙ.

Записная книжка.

Умерла Софья Петровна Волгина. Весьма этическое воспоминание двух гимназических дней. Кто из московских восьмиклассников, семиклассников, шестиклассников начала восьмидесятих годов не был влюблен в эту колоссальную красавицу из красавиц и не носил ее фотографического портрета в кармане с гораздо большею бережностью, чем свой удостоившийся билет, за подписью классного наставника?

Волгина, опираясь на влюбленную в нее молодежь, одно время, едва-едва не завоевала в Москве положения первостепенной артистки и, так сказать, центральной любимицы публики, в версту с Федотовой, Ермоловой. А она, в благодарность, читала на всех столичных эстрадах вечно своего „Студента“, из коюго и до сих пор помню два стиха:

Отъ Петербурга до Ташкента
Вездѣ узнаешь въ немъ студента...

Постъ чего конец стихотворения теряться в восторженном реве, топаяхъ, хлопъ въ... Продолжалось это торжество, однако, вряд ли цѣлымъ сез. въ. Для пьедестала, на который подняла Волгину волна успѣха, у Софьи Петровны не было пыхъ давнихъ, кромѣ аффективной наружности и очень красиваго голоса. Молодежь влюбчива, но и справедлива. И мы, съ прискорбieniem и неохотно, однако, разглядѣли, что кумиръ нашъ обладает талантомъ весьма среднимъ и „интеллигентность“ его довольно сомнительна. А въ тѣ времена это, что называется, рѣшало артистку. Къ Ермоловой, Федотовой и пр. Волгину приравнять перестали, осталась она на сценѣ, просто, „играющей красавицей“.

Благодаря своей исключительной красотѣ, довольно ярко сквозившему, сквозь красоту эту, женскому темпераменту, Волгина имѣла настоящій, хорошій успѣхъ во многихъ роляхъ, содержаніе которыхъ совпадало съ ея собственнымъ „я“. Кто-то изъ знаменитыхъ въ ово время художниковъ-сподвижниковъ такъ восхитился Волгиной въ роли Василысы Мелентевой, что написалъ съ нея картину—„Иванъ Грозный сторожитъ спящую Василысу Мелентеву“, падающуюся теперь, кажется, въ Трегьяковской галлерей.

Я лично долженъ особую благодарностью почтить счастливую наружность юной С. П. Волгиной,—этой „Юноны“, невѣсты „боговъ“,—потому что, впоследствии, по воспоминаніямъ, написалъ съ нея портретъ Соны Арсеньевой въ „Восьмидесяткахъ“. Кромѣ наружности, однако, это дѣйствующее лицо моего романа не имѣетъ въ Волгиной ничего общаго ни въ характерѣ, ни въ образѣ жизни, ни въ судьбахъ своихъ. Развѣ безграничное добродушіе, мѣра котораго въ Волгиной превосходила, кажется, даже мѣру ея божественной красоты.

Успѣхъ С. П. Волгиной дивился, покуда красота была божественною, и увядалъ, какъ скоро божественность переродилась въ чреазуръ ужъ человѣческую плотность. Даже до вѣковой комичности. Красавица преждевременно расплывѣла до анекдотическихъ объемовъ, что лишило ее большей части ролей молодого репертуара. Сывъ В. П. Давылова, талантливый С. И. Горьловъ, такъ рано покинутый у театра долгою болѣзнью и, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ страданій, смертью, рассказы валь мѣ, какъ въ Одессѣ Волгина ставила въ свой бенефисъ мою старую пьесу „Отравленная совесть“, въ которой она очень любима и, говорятъ, въ самомъ дѣлѣ хорошо играла роль Людмилы Верховской. На репетиціи Волгина, въ какой-то сценѣ, усѣлась на стулъ и говорить артисту Хворостову:

— Здѣсь вы должны обойти вокругъ меня.

— Помилуйте, Софья Петровна,—жалобно возопялъ, злой на языкъ, Хворостовъ,—когда же мы, въ такомъ случаѣ, репетицію-то кончимъ!

За что и получалъ отъ скончившей Софьи Петровны одно изъ тѣхъ вычудительныхъ словечекъ, на которыя эта представительница старинныхъ кулисъ бывала въ гнѣвѣ быстра и изобрѣтательна неподражаемо.

Говорятъ, что въ пожелыхъ роляхъ Волгина, какъ многія, нашла себя и была превосходна.

Въ лицѣ ея сошла въ могоду чуть ли не послѣдняя знаменитость старой театральн. провинціи. Своего рода—Геннадія Демьяновичъ Немаслпщевъ въ обѣхъ. Сей мужской прототипъ оглошшаго въ вѣчность искусства

Софья Петровна напоминала и благородствомъ своихъ товарищескихъ отношеній, и безмѣрнымъ великодушіемъ пыткаго отзывчиваго сердца, и полнымъ отсутствіемъ корыслюбія, а, пожалуй, даже и умѣнія считать... Кто только ее не „ублажалъ“! Кто только ее не обиралъ!..

Александръ Амфитеатровъ.

† С. П. Волгина.

Въ актерскихъ кругахъ Москвы получена телеграмма, подтверждающая извѣстія, что въ Воронежѣ скончалась драматическая артистка С. П. Волгина, въ свое время хорошо извѣстная въ Москвѣ, гдѣ нѣсколько сезоновъ играла съ большимъ успѣхомъ въ театрѣ Корша, еще больше извѣстная по театральн. провинціи, гдѣ протекли слишкомъ сорокъ лѣтъ ея сценической дѣятельности.

Волгина—пом. de memo артистки, за которыми всеми давнымъ-давно забыто ея подлинное дѣвичье имя—Харламова. Лѣтъ 20-ти, въ 1873 г., она начала играть на сценѣ своего роднаго города Ростова-на-Дону у Мельникова. Потомъ перешла въ одесскую труппу знаменитаго Мясославскаго и тамъ особенно выдвинулась, стала наклонять популярности. Это была, прежде всего, исключительно счастлива: вѣщность: настоящая красавица, величественная, полные огня большіе глаза, великолѣпный грудной голосъ. Она была изъ тѣхъ, которыя играли, не мудрствуя лукаво, не хлопоча много о тонкостяхъ психологическаго анализа, о богатствѣ деталей. Она приносила на сцену свою натуру, свое „внутре“. И это давало эффектъ,

это нравилось, создавало поклонниковъ, въ зрительной залѣ, шумныхъ овалці. Не глубина, не тонкость, но яркость была ея силою и ея орудіемъ на сценѣ. Для такихъ ролей, какъ всѣ эти Рязцовы, Кондровы „Дочери вѣка“, которыми были заполнены тогда русскій репертуаръ, она была пражодевною исполнительницею. Она была на театрѣ тѣмъ, что обозначается терминомъ grande coquette. Но много пробовала свои силы и въ роляхъ сильнаго драматизма. Очень нравилась она своей публикѣ и Марьицей въ пресловутой аверкѣевской „Каширкѣ“, и Василысой Мелентевой. Съ меньшею удачей справлялась съ такими ролями, какъ Марія Стюартъ или Медея. Но много играла и ихъ.

Въ Москвѣ она впервые появилась въ бревковскомъ Пушкинскомъ театрѣ, затѣмъ въ томъ театрѣ надъ Солодовниковскимъ пассажемъ, который былъ переходомъ къ Коршевскому театру. Въ послѣднемъ играла сезоны 1883—1885 гг. И это былъ расцвѣтъ и ея силъ, и ея успѣховъ. Затѣмъ была принята на московскую Малую сцену, но здѣсь задержалась не надолго, припала не ко двору, играла очень мало и вернулась въ свою родную стикію,—въ театральную провинцію. Играла во всѣхъ большихъ городахъ, особенно много въ театральномъ въ тѣ поры Новочеркасскѣ. Красота стала вянуть, „внутре“ истощаться. Пришлось перейти на неблагоприятное старушечье амплау. Два послѣднихъ сезона играла въ Воронежѣ. Этимъ постомъ хотѣла прїѣхать въ Москву, но рѣшила переждать тревожныя событія.

Дней десять вазадъ въ Москвѣ получилось письмо, въ которомъ Волгина сообщала, что что-то ей нездоровится. А искоръ затѣмъ пришла трезоная телеграмма: болѣзнь стала угрожающей. Еще день,—и новая телеграмма уведомляла объ озаконой кончинѣ.

Скончалась С. П. Волгина, по мужу—ген. Миллеръ, 64 лѣтъ.

Жекологич.

† Т. Райскій.

Въ Кіевѣ умеръ очень молодой актеръ—Райскій; ему только что минуло 20 лѣтъ.

Прошлой весной,—такой полной жизни, весь трепетавшій передъ любимымъ театромъ,—онъ кончалъ драматическую школу. И чуть ли не на другой же день уже вступилъ въ труппу Незлобина, гастролировавшую въ Соловцовскомъ театрѣ, и хорошо сыгралъ двѣ—три замѣтныхъ роли (въ „Хищницѣ“ и еще въ чемъ то...)

Совсѣмъ молодой, юноша, почти мальчикъ, онъ былъ съ большими задатками настоящаго артиста: дарованіе, темпераментъ, нервность, живой характеръ и огромная любовь къ дѣлу.

Но, кромѣ театра, онъ еще любилъ... женщину. И кончилъ самоубійствомъ изъ-за неудачной любви: застрѣлся на площадкѣ лѣстницы въ лѣтнюю ночь...

† И. Ж. Плотниковъ.

Въ Одиссовѣ подлѣ Москвой скончался на своей дачѣ артистъ Иванъ Николаевичъ Плотниковъ. Родился онъ въ Екатеринбургѣ въ 1868 году и скончался 52 лѣтъ. Образование получилъ въ Реальномъ училищѣ въ Екатеринбургѣ. Служилъ въ Перми, Вильнѣ, Варшавѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Екатеринбургѣ, Петроградѣ, Иркутскѣ, Омскѣ, Ростовѣ н/Д, Харьковѣ, въ Москвѣ у Ковалевскаго и послѣдніе годы у Бабенко въ Новочеркасскѣ. Покойный былъ талантливый салонный резонанъ и комикъ-резонанъ.

† Ф. Омарскій.

На 64-мъ году жизни скончался послѣ непродолжительной болѣзни отъ крупаго воспаления легкихъ драматическій артистъ Флорантіа Андреевичъ Омарскій. Среди театральнаго міра Ф. А. Омарскій пользовался большою популярностью.

† Д. И. Бухтояровъ.

Въ бывшемъ придворномъ госпиталѣ скончался отъ крупаго воспаления легкихъ артистъ Маріанскаго театра Д. И. Бухтояровъ.

Покойный въ концѣ текущаго сезона вышелъ въ отставку. Въ годы же своей артистической дѣятельности считался однимъ изъ лучшихъ пѣвцовъ государственныхъ театровъ.

А. В. Петраковская-Деркачъ.

(Къ 45 лѣтнему юбилею сценической дѣятельности.)

Въ Тамбовѣ, въ Народномъ театрѣ (дирекція губернскаго-городскаго совѣта), 18-го іюля сего года состоится празднованіе 45 ти лѣтняго юбилея сценической дѣятельности Анны Владимировны Петраковской-Деркачъ.

Начала свою сценическую карьеру Анна Владимировна въ 1871 году въ Новочеркасскѣ въ казенной дирекціи. Скромная, неопытная дебютантка выступила въ первый разъ въ роли Машенька въ пьесѣ А. Н. Островскаго „На всякаго мудреца довольно простоты“. Труппа, въ которой начала юбилярша, блистала громкими именами, среди которыхъ назовемъ А. П. Ленскаго, О. А. Правдина, Н. И. Арды, Л. А. Дубровяну, Павлову, Вѣльскую.

Съ этого времени Анна Владимировна побывала во всѣхъ городахъ Россіи: въ Тафлисѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Казани, Саратовѣ, Ростовѣ, Орлѣ, Одессѣ, Ярославлѣ, Новгородѣ, Таганрогѣ и др.

Въ Петроградѣ Анна Владимировна служила въ Василеостровскомъ театрѣ и на Крестовскомъ. Въ Москвѣ—въ театрѣ „Скоморохъ“ Леповскаго и у Щукина въ „Эрмитажѣ“. Въ своихъ скитаніяхъ по сезонамъ Анна Владимировна прішлось неоднократно служить съ корифеями роднаго театра: В. И. Андреевымъ-Бурлакомъ, Н. Х. Рыбаковымъ, М. Т. Ивановымъ-Козельскимъ, Ф. П. Горевымъ, П. А. Никитинымъ, И. П. Касильскимъ, Н. П. Рощинымъ-Писаревымъ, В. П. Рощиной-Рютицъ, Немировой-Ральфъ.

Выйдя замужъ за Г. О. Деркача, Анна Владимировна служила въ труппахъ своего мужа и съ нимъ совершила гастрольную поѣздку въ 1893 году въ Парижъ съ блестящей малорусской труппой, въ составъ которой входили: Ю. С. Шостаковская, Е. Ф. Зарницкая, Орликъ, О. З. Суловъ, Гайдмака.

Какія роли не переиграла за 45 лѣтъ Анна Владимировна, участвуя въ пьесахъ русскаго драматическаго, опереточнаго и малорусскаго репертуара.

Въ день своего юбилея Анна Владимировна выбрала „Доходное мѣсто“ А. Н. Островскаго и выступитъ въ роли Кукушкиной.

Пожелаемъ уважаемой юбиляршѣ силъ, бодрости и здоровья для усѣбнаго продолженія служенія родному искусству.

Провихця.

Кіевъ. Артисту В. Н. Волховскому предложено дебютировать въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ. Дебютъ состоится въ „Ревизорѣ“ или въ пьесѣ Уривцова „Благодать“.

— С. Юженичъ написалъ въскольکو новыхъ пьесъ изъ еврейской жизни. Пьесы пойдутъ, вѣроятно, въ будущемъ зимнемъ сезонѣ въ театрѣ „Соловцовъ“. Кромѣ того, Юженичъ переделалъ его пьеса „Повѣсть о господинѣ Сомкинѣ“ изъ четырехъ-актной въ двухъ-актную.

— Въ связи съ сильнымъ вздорожаніемъ цѣнъ на гримировальныя краски въ кіевскомъ союзѣ сценическихъ дѣятелей возникла мысль о командированіи въ Берлинъ и Вѣну одного изъ членовъ союза для закупки крупнаго партия красокъ и переуступки таковыхъ артистамъ по пониженной цѣнѣ. Для этой цѣли командировать предполагается артиста В. Н. Волховскаго. Послѣдній одновременно съ этимъ предполагаетъ использовать эту поѣздку для пріобрѣтенія новыхъ пьесъ нѣмецкихъ и австрійскихъ драматурговъ.

— Директоръ опереточной труппы Ф. В. Валентетти получилъ отъ субъ-интendente одесскаго городского театра М. И. Вавчи предложеніе пріѣхать на іюль и августъ въ Одессу съ нѣсколькими опереточными ансамблями. Одновременно съ этимъ г. Валентетти предложено съѣхать на это же время одесскій сибиряковскій театр. Одно изъ этихъ предложеній г. Валентетти, вѣроятно, приметъ вслѣдствіе того, что пролонгировать договоръ съ Я. С. Лковелевымъ, очевидно, не придется.

— И. С. Жоловскимъ снятъ театр „Соловцовъ“ на іюль мѣс. подлѣ спектакля комедій.

Въ составъ труппы приглашены: г-жа Пилотская, Пѣцова, Калачевская, Карякина, Дубровская, Бухвева, Григорьева, Прецкая, Лепская, Корецкая, Градищева, Власова, Ронская и Погожинна; г-г. Кузнецовъ, Пугачъ, Таргановъ, Викт. Петина, Даниловъ, Владиславскій, Чернышевъ, Дубровскій, Городецкій, Агашевъ, Камскій, Блонскій.

Спектакль начнется 4-го іюня. Въ ближайшій репертуаръ включены: „Гвардейскій офицеръ“ Мольпара, „Дуракъ“ Фульда, „Телка Чарлея“, „Теплое пятно“ Кадельбурга, „Начало карьеры“ Рышкова и др.

Въ „Свободномъ театрѣ“ въ это время состоится, по всей вѣроятности, гастроль г-жи Валерской и В. Глаголина, съ которыми ведутся въ настоящее время переговоры.

Въ іюль въ театрѣ „Соловцовъ“ въ спектакляхъ лѣтней оперетты предложены гастроль известнаго опереточнаго композитора Фр. Легара и Лео Фалля.

— Въ Украинскомъ національномъ театрѣ въ пьесѣ „Огни Ивановой ночи“ въ роли Георга состоится дебютъ новаго артиста труппы Г. Островскаго.

— Материальное положеніе артистовъ украинскаго нац. театра нѣсколько улучшилось. Администрация театра получила часть ассигновокъ, назначенныхъ театру министерствомъ народнаго просвѣщенія, и поступившія деньги распределены между артистами, по получавшимъ, какъ извѣстно, жалованія уже въ теченіе значительнаго времени.

— Новый директоръ—режиссеръ украинскаго національнаго театра А. К. Сакаганскій приступилъ къ формированію труппы на предстоящій сезонъ.

— Въ театральномъ отдѣлѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія пріступлено къ разработкѣ законопроекта о созданіи основнаго склада театральнаго имущества („боморы“). Этотъ складъ будетъ обзаводиться народное, сельскіе, передвижныя и др. общественныя театры. На складѣ будутъ собраны народные, бытовые, этнографическіе и историческіе костюмы всѣхъ эпохъ и стайей. Будетъ особый отдѣлъ режиссита и бутифорія. По возможности, въ значительномъ количествѣ будутъ собраны и декоратіи. Часть декоратіи и режиссита предназначается для сельскихъ и гимназическихъ спектаклей. При складѣ будетъ организованъ и театральная бібліотека изъ пьесъ украинскихъ авторовъ и др.

— Театральнымъ отдѣломъ артисту петроградскаго народнаго дома Г. Е. Габбовскому предложено дебютировать въ украинскомъ національномъ театрѣ.

— Новой дирекціей украинскаго національнаго театра предложена пробная постановка „Визна Гешель“ Гауптмани режиссеру „Музыкальной драмы“ Б. Ф. Крививецкому.

— 31-го мая зырился сезонъ въ украинскомъ Маломъ театрѣ. Для закрытія шла пьеса Винниченко „Черная пантера“ въ обычномъ составѣ исполнителей. Открытіе зимняго сезона состоится, вѣроятно, уже въ собственномъ зданіи театра, которое въ настоящее время подсыивается администраціей театра.

— М. Ф. Багровъ въ настоящее время занятъ формированием оперной труппы на предстоящий зимний сезонъ. До сих поръ приглашены г-жи Воронецъ, Мопса, (Клибадга, Окупова, Баратова, Франковская, Яковичъ, Струова (меццо-сопрано, артистка оперы Замина), Ласица (драматическое сопрано, оперч. консерватория); г-г. Валипа-Скупецкій, Мочаровъ, Колесниковъ, Влжнскій, Бочаровъ, М. В. Уховъ, Загуженный, Флямополь, Донецъ, Дубиновъ, Шпшнтовъ, Матусевичъ (басъ, оперч. консерватория). Ведутся переговоры съ артистомъ Большого театра В. Р. Петровымъ. Дирижеры: Н. О. Палыцынъ, А. Луковъ и новый для Кіева петроградскій дирижеръ г. Штейнманъ; режиссеры Ц. О. Урбанъ, Хорейстеръ г. Труффя. Хоръ, оркестръ и балетъ формируются. Въ будущемъ сезонѣ намѣчено къ постановкѣ „Валькирія“, „Тангейзеръ“, „Донъ-Жуанъ“, иешедшій въ петербургскомъ сезонѣ въ дѣлствіе перутомленій артиста М. М. Довица. Кроме перечисленныхъ оперъ, пойдетъ еще, вероятно, „Триколонда“, „Талсъ“ и др.

— Находящійся въ Кіевѣ чешскій драматургъ г. Кауцскій предложилъ режиссеру театра „Соловйи“ Н. А. Смуркову организовать на май и июль будущаго года турпю по Австрійѣ съ артисткой г-жей Яловой и тремя артистками, которые будутъ состоять изъ труппы театра „Соловйи“. Предлагается посетить Вѣну, Будапештъ, Прагу и др. Къ участію въ турпю предполагается привлечь С. Л. Кузнецова. Репертуаръ будетъ составленъ преимущественно изъ русскихъ пьесъ.

— Помѣщеніе кино-театра „Экспрессъ“ снято съ 15 августа с. г. Р. Л. Эрельба подъ свѣтляки фарсовой труппы. Во главѣ труппы будетъ петроградскій артистъ І. Н. Смоляковъ. Въ фойе театра ежедневно съ 2-хъ часовъ дни будутъ проводиться кабаре исключительно для артистовъ и лицъ, входящихъ по рекомендаціи послѣднихъ. На дняхъ будетъ приступлено къ переустройству зрительнаго зала и фойе.

— Какъ теперь выяснилось, Е. А. Полевцкая въ будущемъ сезонѣ изъ Москвы въ театрѣ б. Корша служить не будетъ. Артистка подписала контрактъ въ Одессу къ М. П. Лисскому. Въ качествѣ завѣдующаго художественной частью приглашены Н. Ф. Шиммель. Въ составѣ труппы также приглашены г-жи Самборская, Мельникова, г-г. Баратова, Зис. Вронскій и Звачковский.

— Арт. Городск. театра С. В. Валипа-Скупецкій въ настоящее время гастролируетъ въ Николаевѣ.

— Р. М. Глиеръ, Мих. Эрленко и С. Ф. Тарновскій приглашены въ Харьковъ для участія въ симфоническихъ концертахъ. Ведутся также переговоры съ Е. Л. Воронецъ-Молчановъ. Переговоры, однако, не увѣличались успѣхомъ.

— Импресарио Е. В. Галастеръ пріѣзжалъ въ Кіевъ и велъ переговоры съ М. К. Максимымъ о сдачѣ ему театра „Бергове“ подъ спектакли русской оперы. Переговоры положительныхъ результатовъ не дали.

Письмо изъ Казани.

Въ этомъ году въ Казани наплывъ гастролеровъ небывалый. И неудивительно. Г. Казань въ настоящее время одинъ изъ немногихъ „развсовъ“, куда можно благополучно пріѣхать, гдѣ еще относительно спокойно живетъ, и продовольственный кризисъ не даетъ особенно себя являть.

Объявлены цѣлая серия лекцій различныхъ литературовъ, ученыхъ, общественныхъ дѣятелей. (Пріѣдетъ даже г-жа Колловтай).

Прошли гастролы Анны Степовой, Пявничкой, Вавича, Мордкина, Максимова и другихъ. На дняхъ концертъ А. К. Глазунова, два балетныхъ вечера Екатерины Гельцеръ, гастролъ опереточнаго товарищества.

Съ нетерпѣніемъ ждутъ гастролей труппы Московскаго Художественнаго театра, которая на сейдѣ Городскаго театра поставитъ „На днѣ“ М. Горькаго. Билеты раскупаются нарвастью. У кассы безконечныя очереди.

9-го июня в. ст. въ Панаевскомъ театрѣ состоялось открытіе лѣтняго сезона. (Драма. Дирижеры культурно-просвѣдительнаго отдѣла при совѣтѣ р. с. и кр. депутатов). Составъ труппы: г-жа Алексина, Анненкова, Баева, Быховская, Викторова, Вовади, Григорьева, Мальцева, Магановичъ, Омарская, Пелешъ, Рямская, Ровинская, Румшява, Шукова; г-г. Аватоловскій, Бѣлана Вилиновичъ, Вронскій, Глѣбовъ, Горевъ, Клявочичъ, Львовъ, Мпшинъ, Московскій, Набатовъ, Орлявъ, Перцовъ, Шабановъ, Щепановскій, Ярцевъ, Яхонтовъ. Режиссеры: М. Н. Вѣлипа-Вѣляновичъ, А. М. Перцовъ, С. И. Ярцевъ. Завѣдующій декоративно-художественной частью Георгій Львовъ. Первый спектакль—„Мѣна язывъ“ Мещерякова-Давченко. Въ томъ же театрѣ разъ въ недѣлю предполагается ставить оперные спектакли. Составъ труппы: сопрано—г-жа Коломійцова, Рудакова, Мавсурова; меццо-сопрано—г-жи Колева, Шарва; теноръ—г. Воробьевъ (лирико-драматическій), г. Еленевъ (лирическій); баритонъ—г. Будневичъ (драматическій), г. Майковъ (лирическій); басы—г-г.

Ариеговскій, Лутчевъ; г-жа Голина, Лобышева, г-г. Кальбия, Максимъ въ, Матушевскій (вторыя роли). Хоръ 20 чел. Дирижеры: Эм. Меттеръ, А. Панаевъ. Режиссеръ В. Майковъ. Готовятся къ постановкѣ „Евгений Онегинъ“ и „Травиата“.

И лѣтническія событія (возвращеніе чехо-словакскія) заставляли гастролеровъ въ Симбирскѣ казанское оперное товарищество возвратиться обратно въ Казань. 22-го июня в. ст. въ полубы безработныхъ въ Панаевскомъ театрѣ будетъ данъ спектакль, а въ открытой эстрадѣ Панаевскаго сада—большой концертъ.

На зимній сезонъ оперетты (Большой театр). Дирекція Г. А. Розенборга) приглашены Сара Лавъ, г-г. Давиловъ, Градовъ, Кларовъ. Капельмейстеры: г-г. Вавъевъ, Сирота.

А. Л.—овъ.

Вятка. 6 мая начались спектакли „Союза опереточнаго драматическаго артистовъ“ въ театрѣ „Коллизей“. Дѣло это у насъ новое, и публика понравилась жанръ миниатюръ. Составъ труппы, въ немногихъ исключеніяхъ, сѣренскій. Репертуаръ не выдерживаетъ въ духѣ миниатюръ; парадъ съ художественными песнями ставится въ антихудожественныя пьесы. Самыми удачными постановками были: оперетты „Красное солнышко“, „Король, дами, шмель“, „Сказка о царѣ Ахромѣ“, „Шазунья“, „Бѣлена Спартанская“; комедіи: „Время—деньги“, „Музыка супружества“, „Старикъ“, „Изъ любви къ искусству“, „Тысяча и одна шутрость“. Изъ женскаго персонала наибольшимъ успѣхомъ пользуется артистка и балерина Е. В. Гряпанчинова, казская—С. П. Мажировская, обладающая хорошимъ голосомъ, А. К. Арнольдъ, Т. П. Сидорова. Въ мужскомъ персоналѣ слышны: В. А. Бранцевъ—комьякъ-буффы, яркій, безъ шаржа комьякъ А. И. Сторацкій, П. И. Полюжскій—хорошій характерный актеръ, способный и полезный, хотя нѣсколько однообразный теноръ Г. Н. Курьескій, Л. В. Макаровъ—баритонъ, В. П. Правдинъ. Декорація художника Зоммера красивы и стильны.

О труппѣ городскаго театра въ слѣдующемъ письмѣ.

А. М.—въ.

Воронежъ. Здѣсь подучилось пзвѣстіе, что въ концѣ мая умеръ отъ чахотки въ Елисаветградѣ пзвѣстный провинціальный антрепренеръ Николай Петровичъ Казанскій.

Воронежская муниципальная коллегія постановила аннулировать до оворъ заключенные объ арендѣ театровъ съ г-жей Алезю-Вольской. Съ 13-го июля аннулируется и арендный контрактъ, заключенный съ г-г. Иакулпымъ и Волковыымъ. Всѣмъ театрамъ надлежитъ выдѣлать комиссаръ театровъ.

Пріѣхавшая сюда изъ Тулы передавала опера Д. Х. Южнъ дала въ театрѣ семейнаго собранія 14 спектаклей. Со 2-го июля по 7-е июля прошны слѣдующія оперы: „Демонъ“, „Искатели жемчуга“, „Карменъ“, „Рголетто“, „Хованщина“, „Пиковая дама“, „Травиата“, „Аида“, „Фаустъ“, „Борисъ Годуновъ“, „Дубровский“, „Гугеноты“, „Евгений Онегинъ“, „Тоска“, Общакъ выдого сбора было получено около 50,000 руб. Отсюда оперы уѣзжаютъ въ Козловъ.

За отсутствіемъ посѣдителей закрылся въ дняхъ садъ „Эрмитажъ“ съ открытой сценой для миниатюръ.

Рига. Въ Москву возвратилась изъ Риги артистка драмы В. А. Мухаринская.

Въ Петроградѣ она пріѣхала черезъ Псковъ съ эшелонемъ бѣженцевъ. Въ бесѣдѣ съ нами артистка рассказываетъ, что до взятія Риги вѣмцами войсками, и это произошло 21 августа прошлаго года, въ городѣ была слѣдующія русскія труппы: драматическія Рудина, Личарова, Арнольдова, фарсъ Арабелльской въ городскій театрѣ, „Интимомъ“ и „Казнво“.

Артисты всѣхъ труппъ уже съѣхались, такъ какъ сезонъ долженъ былъ начаться въ первый числахъ сентября. Наступленіе вѣмецкнхъ войскъ было неожиданнымъ. Скорого надевія Риги не ожидали. Артисты уѣзжали, когда вѣмцы обстрѣливали городъ.

Разорваннейшей правелью наша собесѣдница была равена въ ногу, когда ѣхала на вокзалъ. Это то и вывудило ее остаться въ Ригѣ.

Послѣ занятія города русскіе спектакли были запрещены. Латвскія и еврейскія труппы продолжали и продолжаютъ давать свои спектакли.

За все время съ момента занятія Риги до отъѣзда артистки состоялось всего два русскія спектакля, устроенные ею съ разрѣшенія комеданта города.

Что касается вѣмецкихъ спектаклей, то они давались въ Большомъ вѣмецкомъ театрѣ и во 2-мъ городскомъ театрѣ. Пріѣзжали фронтовыя драматическая труппа изъ Инбавы и опера изъ Берлина. Оперные спектакли проходили съ большимъ успѣхомъ.

Редакторъ Л. Г. МУНШТЕЙНЪ.

Издательница В. Н. Ильарская.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1918 годъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

РАМПА

X-й годъ изданія.

и ЖИЗНЬ

X-й годъ изданія.

подъ редакціей Л. Г. МУНШТЕЙНА (LOLO).

ТЕАТРЪ. — МУЗЫКА. — ЛИТЕРАТУРА. — ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САТИРА (театр. и полит. памфлеты).

Подписная цѣна:

На 6 мѣс. съ 1-го іюля по 1-е января — 20 р.; на 3 мѣс. — 10 р.

Подписываться можно по телефону 2 58-25 и 3-32-16.

АДРЕСЪ: Москва, Богословскій пер. (уг. Бол. Дмитровки, д. 1).

Подписка принимается также въ Москвѣ у Д. И. ПЕЧКОВСКОЙ (Петровскія линія) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“, ВОЛЬФА и др.

Изданія журнала „Рампа и Жизнь“.

РОСКОШНЫЯ ИЗДАНІЯ
ЖУРНАЛА

„РАМПА И ЖИЗНЬ“.

„Жрецы и жрицы искусства“.

Стихи Лоло. Шаржи и зарисовки.
Томъ I — цѣна 5 рублей. Томъ II —
цѣна 5 рублей.

Москов. Худож. театр.

Томъ I, изд. 2-е, дополненное. —
Сезоны 1898 — 1906 гг. Ц. 8 руб.
(Все распродано). Томъ II — се-
зоны 1906 — 1914 гг. Ц. 8 руб. Въ
каждомъ томѣ около 200 иллюстр.

ШАЛЯПИНЪ.

Роскошно изд. и богато-иллюстр.
книга. Содержаніе: статьи, харак-
теристика, воспоминанія. Снимки
въ жизни и роляхъ. Зарисовки и
шаржи. Репродукція рѣдкихъ порт-
ретовъ и фотографій изъ музея
А. А. Бахрушина. Цѣна 8 руб.

„Галерея сценическихъ дѣятелей“.

Очерки, воспоминанія, стихи. Томъ
I — цѣна 8 руб. Томъ II — цѣна
8 руб. Около 200 иллюстрацій.

„Сборникъ пьесъ и монологовъ“

Изабеллы, Гриневской

(12 одноактныхъ пьесъ и монологовъ)

цѣна съ пересылкой 6 руб.

„Образное русское произношеніе“

П. Г. Шаровъ.

цѣна съ пересылкой 3 р.

„Гамлетъ принцъ Датскій“

Кукольная трагедія Лоло.

Репертуаръ „Летучей Мыши“.

цѣна съ пересылкой 1 р. 50 к.

„Плоды углубленія“

пародія М. Маякаго ц. съ п. 1 р. 50 к.

„Загадочная открытка“

Гротескъ въ 1 д. М. Липсаго.

цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

„Время — деньги“

(Пром. благаго будущаго), гротескъ

въ 1 д. М. Липсаго.

цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

„Франко-Русскій Мезальянсъ“

Шутка въ 1 д. Б. Борисова.

Цѣна каждой пьесы съ пересылкой
1 руб. 50 к.

Пьесы ЛОЛО

(Оригинальныя и переводныя):

„Толубая крозь“

драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 3 р.

„Тосножа публика“

комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 3 р.

„Шуты“

ком. въ 4-хъ д., въ стихахъ. Цѣна 3 р.

„Судь Мидаса“

шутка въ 1-мъ дѣйствіи. Цѣна 1 р.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

„РАМПА И ЖИЗНЬ“

АРИАДНА,

пьеса въ 4 д. В. Зайцева. Ц. 3 р.

КАСАТКА,

ком. въ 4 д. А. Толстого. Ц. 3 р.

ДЯДЮШКИНЪ СОНЪ,

вспѣвнр. Достоевскаго. Ц. 3 р.

ЖЕНЩИНА СЪ У ЛИЦЫ,

ком. въ 4 д. Н. Архипова. Ц. 3 р.

У ПОЗОРНАГО СТОЛБА,

др. въ 4 д. Н. Архипова. Ц. 3 р.

ПАПА,

драма К. Тренева въ 4 д. Ц. 3 р.

АНГЛІЙСКІЙ ШАРАБАНЪ,

к. въ 3 д. пер. Маттерна. Ц. 2 р. 50 к.

БЕЗУМНЫЙ ДРУГЪ ШЕКСПИРА,

пьеса въ 4 д. Волгара. Ц. 3 р.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА,

ком. въ 4 д. Н. Иваньшина. Ц. 3 р.